

Враги. Максим Горький gorkiymaxim.ru  
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке  
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Враги. Максим Горький

СЦЕНЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Бардин, Захар, 45 лет.

Полина, его жена, под 40 лет.

Бардин, Яков, 40 лет.

Татьяна, его жена, 28 лет, актриса.

Надя, племянница Полины, 18 лет.

Печенегов, генерал в отставке, дядя Бардиных.

Скроботов, Михаил, 40 лет, купец, компаньон Бардиных.

Клеопатра, жена его, 30 лет.

Скроботов, Николай, брат его, 35 лет, юрист, товарищ прокурора.

Синцов, конторщик.

Пологий, конторщик.

Конь, отставной солдат.

Греков, Левшин, Ягодин, Ряццов, Акимов, рабочие.

Аграфена, экономка.

Бобоедов, ротмистр.

Квач, вахмистр.

Поручик.

Становой.

Урядник.

Жандармы, солдаты, рабочие, служащие, прислуга.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сад. Большие, старые липы. В глубине, под ними, белая солдатская палатка. Направо, под деревьями, широкий диван из дерна, перед ним стол. Налево, в тени лип, длинный стол, накрытый к завтраку. Кипит небольшой самовар. Вокруг стола плетеные стулья и кресла. Аграфена варит кофе. Под деревом стоит Конь, куря трубку, перед ним Пологий.

Пологий (говорит, нелепо жестикулируя). . . .Конечно, ваша правда, я человек маленький, жизнь у меня мелкая, но каждый огурец взращен мною собственноручно, и рвать его без возмездия мне я не могу разрешить.

Конь (угрюмо). А твоего разрешения никто и не просит.

Пологий (прижимая руку к сердцу). Но позвольте! Если вашу собственность нарушают, - имеете вы право просить защиты закона?

Конь. Проси. Сегодня огурцы рвут, а завтра головы рвать будут... Вот тебе и закон!

Враги. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Пологий. Однако... это странно и даже опасно слышать! Как же вы, солдат и кавалер, можете пренебрегать законом?

Конь. Закона – нет. Есть – команда. Налево кругом марш! И – ступай! Скажут – стой! Значит – стой.

Аграфена. Вы бы, Конь, не курили здесь вашу махорку, от нее лист на деревьях вянет...

Пологий. Если бы они с голоду, – это я понимаю... Голод может объяснить многие поступки; можно сказать, что все подлости совершаются для утоления голода. Когда хочется кушать, то, конечно...

Конь. Ангелы – не едят, а сатана против бога пошел все-таки...

Пологий (радостно). Вот это я и называю озорством!..

(Идет Яков Бардин. Говорит негромко и как бы сам прислушивается к своим словам. Пологий кланяется ему. Конь небрежно "отдает честь".)

Яков. Здравствуйте. Вы – что?

Пологий. К Захару Ивановичу с покорной просьбой...

Аграфена. Жаловаться пришел. У него этой ночью фабричные ребята огурцы украли.

Яков. А-а... Это нужно сказать брату...

Пологий. Совершенно верно... я к ним и направляюсь.

Конь (ворчливо). Никуда ты не направляешься, а стоишь на одном месте и ноешь.

Пологий. Я вам, думается, не мешаю. Если бы вы газету читали или что другое, то, конечно, я бы вам мешал.

Яков. Конь, подите сюда...

Конь (идет). Крохобор ты, Пологий... клязник!

Пологий. Вы совершенно напрасно произносите эти слова... Язык дан человеку для вознесения жалоб...

Аграфена. Да перестаньте, Пологий... точно вы не человек, а комар...

Яков (Коню). Что он тут, а? Ушел бы...

Пологий (Аграфене). Если слова мои беспокоят ваше ухо, но сердца не трогают, – я замолчу. (Идет прочь и, прохаживаясь по дорожке, щупает рукой деревья.)

Яков (смущенно). Что, Конь, я, кажется, вчера опять... обидел кого-то?

Конь (усмехаясь). Было. Это – было.

Яков (прохаживаясь). Гм... удивительно! Почему пьяный я всегда дерзости говорю?

Конь. Бывает это. Иной раз пьяные люди лучше трезвых, храбрее. Никого не боится, ну и себя не милует... У нас в роте унтер-офицер был, трезвый подлиза, ябедник, драчун. А пьяный – плачет. Братцы, говорит, я тоже человек, плюньте, просит, мне в рожу. Некоторые – плевали.

Яков. А с кем я вчера говорил?

Конь. С прокурором. Сказали ему, что у него деревянная голова. Потом о директоровой жене сказали прокурору, что у нее любовников много.

Яков. Ну, вот... а какое мне дело до этого?

Конь. Не знаю. Еще вы...

Яков. Хорошо, Конь, довольно... а то окажется, что я всем что-нибудь сказал неприятное... Да, вот какое несчастье – водка... (Подошел к столу и смотрит на бутылки, наливает большую рюмку, маленькими глотками высасывает ее. Аграфена, искоса глядя на него, вздыхает.) Вам немножко жалко меня, а?

Аграфена. Очень жалко... такой вы простой со всеми – точно и не барин...

Яков. А вот Конь никого не жалеет, он только философствует. Чтобы человек задумался, его надо обидеть – так, Конь? (В палатке раздается крик генерала:

"Конь! Эй!" Вас сильно намучили, оттого вы и умный?

Конь (идет). Я как увижу генерала, то сразу дураком становлюсь...

Генерал (выходит из палатки). Конь! Купаться, живо!

(Идут в глубину сада.)

Яков (сел, качается на стуле). Моя супруга еще спит?

Аграфена. Уже встали. Купались.

Яков. Так вам меня жалко?

Аграфена. Вам бы полечиться.

Яков. Ну, налейте мне немножко коньяку.

Аграфена. Может, не надо, Яков Иванович?

Яков. А почему? Если я не выпью однажды, – это ничему не поможет.

(Вздыхнув, Аграфена наливает коньяку. Быстро идет Михаил Скроботов, возбужденный; нервно тербит острую черную бородку. Шляпа – в руке, и он мнет ее пальцами.)

Михаил. Захар Иванович встал? Нет еще?

Разумеется! Дайте мне... есть тут холодное молоко? Спасибо. Доброе утро, Яков Иванович!.. Вы знаете новость?.. Эти подлецы требуют, чтобы я прогнал мастера Дичкова... да! Грозят бросить работу... черт бы их...

Яков. А вы удалите мастера.

Михаил. Это – просто, да, но – не в этом же дело! Дело в том, что уступки их развращают. Сегодня они требуют – прогнать мастера, завтра они захотят, чтобы я повесился для их удовольствия...

Яков (мягко). Вы думаете, они завтра захотят этого?

Михаил. Вам – шутки! Нет, вы бы попробовали повозиться с чумазыми джентльменами, когда их около тысячи человек да им кружат головы – и ваш братец разной либеральностью, и какие-то идиоты прокламациями...

(Смотрит на часы.) Скоро десять, а в обед они обещают начать свои дурачества... Да-с, Яков Иванович, за время моего отпуска ваш почтенный братец испортил мне фабрику... развратил людей недостатком твердости...

(Справа является Синцов. Ему лет тридцать. В его фигуре и лице есть что-то спокойное и значительное.)

Синцов. Михаил Васильевич! В контору пришли депутаты рабочих, требуют хозяина.

Михаил. Требуют? Пошлите вы их ко всем чертям! (Полина идет с левой стороны.) Извиняюсь, Полина Дмитриевна!

Полина (любезно). Вы – всегда ругаетесь. Почему – сейчас?

Михаил. Да вот, все этот пролетариат!.. Он там – требует!.. Раньше он у меня смиренно просил...

Полина. Вы жестоки с людьми, уверяю вас!

Михаил (разводит руками). Ну, вот!

Синцов. Что же сказать депутатам?

Михаил. Пусть подождут... Идите!

(Синцов не спеша уходит.)

Полина. Интересное лицо у этого служащего. Давно он у нас?

Михаил. Около года, кажется...

Полина. Он делает впечатление порядочного человека. Кто он?

Михаил (пожимая плечами). Получает сорок рублей.

(Смотрит на часы; вздыхая, оглядывается, видит под деревом Пологого.) Вы что? За мной?

Пологий. Я, Михаил Васильевич, к Захару Ивановичу...

Михаил. Зачем?

Пологий. По случаю нарушения права собственности...

Михаил (Полине). Вот, рекомендую, тоже один из новых служащих! Человек со стремлением к огородничеству.

Глубоко убежден, что все на земле создано затем, чтобы нарушать его интересы. Все ему мешает – солнце, Англия, новые машины, лягушки...

Пологий (улыбаясь). Лягушки, смею заметить, всем мешают, когда они кричат...

Михаил. Идите-ка вы в контору! Что это за привычка у вас – бросить дело и ходить жаловаться? Мне это не нравится... Идите!

(Пологий, поклонившись, идет. Полина с улыбкой смотрит на него в лорнет.)

Полина. Вот какой вы строгий! А он – смешной... Вы знаете, в России люди разнообразнее, чем за границей.

Михаил. Скажите – безобразнее, – и я соглашусь. Я команду народом пятнадцать лет... Я знаю, что это такое – добрый русский народ, раскрашенный поповской литературой.

Полина. Поповской?

Михаил. Ну, конечно. Все эти Чернышевские, Добролюбовы, Златовратские, Успенские... (Глядит на часы.) Долго же не идет Захар Иванович, ах!

Полина. Вы знаете, чем он занят? Доигрывает вчерашнюю партию в шахматы с вашим братом.

Михаил. А там после обеда хотят работу бросать... Нет, знаете, из России толку не выйдет никогда! Уж это верно. Страна анархизма! Органическое отвращение к работе и полная неспособность к порядку... Уважение к законности – отсутствует...

Полина. Но это естественно! Как возможна законность в стране, где нет законов? Ведь, между нами говоря, наше правительство...

Михаил. Ну, да! Я не оправдываю никого! И правительство. Вы возьмите

Враги. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

англосакса... (Идут Захар Бардин и Николай Скроботов.) Нет лучшего материала для строения государства. Англичанин перед законом ходит, как дрессированная лошадь в цирке. Чувство законности у него в костях, в мускулах... Захар Иванович, здравствуйте! Здравствуй, Николай! Позвольте вам сообщить о новом результате вашей либеральной политики с рабочими: они требуют, что-бы я немедленно прогнал Дичкова, в противном случае после обеда бросают работу... да-с! Как вы на это смотрите?

Захар (потирая лоб). Я? Гм... Дичков? Это... который дерется? И насчет девиц что-то такое?.. Прогнать Дичкова, разумеется! Это - справедливо.

Михаил (волнуется). Ф-фу! Уважаемый компаньон, давайте говорить серьезно. Речь идет о деле, а не о справедливости; справедливость - это вот задача Николая. И я еще раз скажу, что справедливость, как вы ее понимаете, пагубна для дела.

Захар. Позвольте, дорогой! Вы говорите парадоксы!

Полина. Деловые разговоры при мне... с утра...

Михаил. Тысяча извинений, но я буду продолжать... Я считаю это объяснение решительным. До моего отъезда в отпуск я держал завод вот так (показывает сжатый кулак), и у меня никто не смел пищать! Все эти воскресные развлечения, чтения и прочие штуки я, как вам известно, не считал полезными в наших условиях... Сырой русский мозг не вспыхивает огнем разума, когда в него попадает искра знания, - он тлеет и чадит...

Николай. Говорить надо спокойно.

Михаил (едва сдерживаясь). Благодарю за совет. Он очень мудр, но - мне не годится! Ваше отношение к рабочим, Захар Иванович, в полгода развинтило и расшатало весь крепкий аппарат, созданный моим восьмилетним трудом. Меня уважали, меня считали хозяином... Теперь всем ясно, что в деле два хозяина, добрый и злой. Добрый, конечно, вы...

Захар (смущенно). Позвольте... Зачем же так?

Полина. Михаил Васильевич, вы говорите очень странно!

Михаил. Я имею причину говорить так... я поставлен в глупейшее положение! Прошлый раз я заявил рабочим, что скорее закрою фабрику, чем выгоню Дичкова... Они поняли, что я сделаю так, как говорю, и успокоились. В пятницу вы, Захар Иванович, сказали рабочему Грекову, что Дичков - грубый человек и вы его собираетесь прогнать...

Захар (мягко). Но, дорогой мой, если он бьет людей по зубам... и прочее? Согласитесь - этого нельзя терпеть! Мы же европейцы, мы культурные люди!

Михаил. Прежде всего мы - фабриканты! Рабочие каждый праздник бьют друг друга по зубам, - какое нам до этого дело? Но вопрос о необходимости учить рабочих хорошим манерам вам придется решать после, а сейчас вас ждет в конторе депутация - она будет требовать, чтобы вы прогнали Дичкова. Что вы думаете делать?

Захар. Но разве Дичков такой ценный человек, а?

Николай (сухо). Насколько я понимаю - здесь дело идет не о человеке, а о принципе.

Михаил. Именно! Стоит вопрос: кто хозяин на фабрике - мы с вами или рабочие?

Захар (растерянно). Да, я понимаю! Но...

Михаил. Если мы уступим им, - я не знаю, чего они еще потребуют. Это нахалы. Воскресные школы и прочее сыграло свою роль за полгода - они смотрят на меня волками, и есть уже прокламации... слышен запах социализма... да!

Полина. Такая глушь, и вдруг - социализм... это забавно.

Михаил. Вы думаете? Уважаемая Полина Дмитриевна, когда дети малы, они все

Враги. Максим Горький gorkiymaxim.ru  
забавные, но постепенно они растут, и однажды – мы встречаемся с большими мерзавцами...

Захар. Что же вы хотите делать? А?

Михаил. Закрывать завод. Пусть немножко поголодают, это их охладит. (Яков встает, подходит к столу и выпивает; потом медленно уходит прочь.) Когда мы закроем завод, в дело вступят женщины... Они будут плакать, а слезы женщин действуют на людей, опьяненных мечтами, как нашатырный спирт, они отрезвляют!

Полина. Вы ужасно жестко говорите!

Михаил. Так требует жизнь.

Захар. Но, знаете, эта мера... вызвана ли она необходимостью?

Михаил. Вы можете предложить что-нибудь другое?

Захар. Если я пойду поговорю с ними, а?

Михаил. Вы, конечно, уступите им, и тогда мое положение станет невозможным... Вы извините меня, но ваши колебания мне обидны, да! Не говоря о их вреде...

Захар (поспешно). Но, дорогой, ведь я не возражаю, я только думаю. Вы знаете, я больше помещик, чем промышленник... Все это для меня ново, сложно... Хочется быть справедливым... Крестьяне мягче, добродушнее рабочих... с ними я живу прекрасно!.. Среди рабочих есть очень любопытные фигуры, но в массе – я соглашусь – они очень распухли...

Михаил. Особенно с той поры, как вы надавали им обещаний...

Захар. Но, видите ли, после вашего отъезда сразу началось какое-то оживление... то есть возбуждение... Я, может быть, вел себя неосторожно... однако нужно было успокоить их. Писали в газетах о нас... И очень резко, знаете...

Михаил (нетерпеливо). Сейчас семнадцать минут одиннадцатого. Вопрос необходимо решить; он стоит так: или я закрываю завод, или ухожу из дела. Закрыв завод, мы не терпим убытка, – я принял меры. Спешные заказы готовы, и в складах кое-что есть...

Захар. Н-да-а. Необходимо решить сейчас... я понимаю! Как вы думаете, Николай Васильевич?

Николай. Думаю, что брат прав. Необходимо твердо держаться строго определенных принципов, если нам дорога культура.

Захар. То есть вы тоже думаете – закрыть? Как это досадно!.. Дорогой Михаил Васильевич, не обижайтесь на меня... я отвечу минут... через десять!.. Хорошо?

Михаил. Пожалуйста!

Захар. Полина, я тебя попрошу, иди со мною...

Полина (идя за мужем). Ах, боже мой! Как все это неприятно...

Захар. У крестьянина есть врожденное веками чувство уважения к дворянину...

(Ушли.)

Михаил (сквозь зубы). Кисель! Это он говорит после аграрных погромов на юге! Дуррак...

Николай. Спокойнее, Михаил! Зачем так распускаться?

Михаил. У меня нервы болят, пойми! Я иду на фабрику и – вот! (Вынимает из кармана револьвер.) Меня ненавидят благодаря этому болвану! И я не могу бросить дело – ты первый осудил бы меня за это. В нем весь наш капитал. Уйди я – этот лысый идиот все погубит.

Николай (спокойно). Это скверно, если ты не преувеличиваешь.

Синцов (идет). Вас просят рабочие...

Михаил. Меня? Что такое?

Синцов. Распространился слух, что с обеда завод закроют.

Михаил (брату). Каково! Откуда они знают?

Николай. Вероятно, это Яков Иванович сказал.

Михаил. А... черт! (Смотрит на Синцова с раздражением, которого не может сдержать.) А почему именно вы так беспокоитесь, господин Синцов? Приходите, спрашиваете... а?

Синцов. Меня просил сходить за вами бухгалтер.

Михаил. Да? Что это за привычка у вас смотреть исподлобья и демонски кривить губы? Чему вы рады, смею спросить?..

Синцов. Я думаю – это мое дело.

Михаил. А я думаю иначе... и предлагаю вам вести себя со мной более прилично... да! (Синцов пристально смотрит на него.) Ну-с? Чего вы ждете?

Татьяна (входит с правой стороны). А, директор... торопитесь? (Кричит Синцову.) Матвей Николаевич, здравствуйте!

Синцов (ласково). Добрый день! Как чувствуете себя? Не устали, нет?

Татьяна. Нет, спасибо. Руки болят от весел...Идете на службу? Я вас провожу до калитки. Знаете, что я вам хочу сказать?

Синцов. Нет, разумеется.

Татьяна (идет рядом с Синцовым). Во всем, что вы вчера говорили, много ума, но еще больше – чего-то эмоционального, преднамеренного... Есть речи, которые более убедительны тогда, когда в них мало чувства... (Не слышно, что говорят.)

Михаил. Извольте видеть, какая ситуация! Служащий ваш, которого вы оборвали за дерзость, фамильярничает на ваших глазах с женой брата вашего компаньона... Брат – пьяница, жена – актриса. И на кой черт они сюда приехали? Неизвестно!..

Николай. Странная женщина. Красива, умеет одеваться, так соблазнительна – и, кажется, устраивает роман с нищим. Эксцентрично, но глупо.

Михаил (с иронией). Это демократизм. Она, видишь ли, дочь сельской учительницы и говорит, что ее всегда тянет к простым людям... Черт меня дернул связаться с этими помещиками...

Николай. Ну, положим, это неплохо, хозяин дела – ты.

Михаил. Буду! Но еще не хозяин...

Николай. Я думаю, она очень доступна... кажется – чувственная.

Михаил. Этот либерал – спать лег там, что ли?.. Нет, Россия нежизнеспособна, говорю я!.. Люди сбиты с толку, никто не в состоянии точно определить свое место, все бродят, мечтают, говорят... Правительством кучка каких-то обалдевших людей... злые, глупые, они ничего не понимают, ничего не умеют делать...

Татьяна (возвращается). Кричите?.. Все почему-то начинают кричать...

Аграфена. Михаил Васильевич, вас просят Захар Иванович.

Михаил (идет, не дослушав). Наконец!

Татьяна (садится к столу). Почему он такой возбужденный?

Николай. Полагаю, вам это не интересно.

Татьяна (спокойно). Он мне напоминает одного полицейского. У нас в Костроме часто дежурил на сцене полицейский... такой длинный, с вытаращенными глазами.

Николай. Не вижу сходства с братом.

Татьяна. Я говорю не о внешнем сходстве... Он, полицейский, тоже всегда торопился куда-то, он не ходил, а бегал, не курил, а как-то задыхался дымом; казалось, он не живет, а прыгает, кувиркается, стараясь поскорее достичь чего-то... а чего - он не знал.

Николай. Вы думаете - не знал?

Татьяна. Я уверена. Когда у человека есть ясная цель, он идет спокойно. А этот торопился. И торопливость была особенная - она хлестала его изнутри, и он бежал, бежал, мешая себе и другим. Он не был жаден, узко жаден... он только жадно хотел скорее сделать все, что нужно, оттолкнуть от себя все обязанности - и обязанность брать взятки в том числе. Взятки он не брал, а хватал, - схватит, заторопится и забудет сказать спасибо... Наконец он подвернулся под лошадей, и они его убили.

Николай. Вы хотите сказать, что энергия брата бесцельна?

Татьяна. Да? Так вышло? Я не хотела этого сказать... Просто он похож на того полицейского...

Николай. Лестного тут мало для брата.

Татьяна. Я не собиралась говорить о нем лестно...

Николай. Вы оригинально кокетничаете.

Татьяна. Да?

Николай. Но - невесело.

Татьяна (спокойно). Разве есть женщины, которым с вами весело?

Николай. Ого!

Полина (идет). Сегодня у нас все как-то не клеится. Никто не завтракает, все раздражены... Точно не выпались. Надя рано утром ушла с Клеопатрой Петровной в лес за грибами... Я вчера просила ее не делать этого... О, боже... трудно становится жить!

Татьяна. Ты много кушаешь...

Полина. Таня, зачем этот тон? Ты ненормально относишься к людям...

Татьяна. Разве?

Полина. Легко быть спокойной, когда у тебя ничего нет и ты свободна! А вот когда около тебя кормятся тысяча людей... это не шутка!

Татьяна. Ты брось, не корми их, пусть они сами живут, как хотят... Отдай им все - завод, землю - и успокойся.

Николай (закуривая). Это вы - из какой пьесы?

Полина. Зачем так говорить, Таня? Не понимаю! Ты бы видела, как расстроен Захар... Мы решили закрыть завод на время, пока рабочие успокоятся. Но ты подумай, как это тяжело! Сотни людей останутся без работы. А у них дети... ужасно!



Татьяна. Так не закрывайте, если ужасно... Зачем же делать неприятности самим себе?

Полина. Ах, Таня, ты раздражаешь! Если мы не закроем - рабочие сделают стачку, и это будет еще хуже.

Татьяна. Что будет хуже?

Полина. Все вообще... Не можем же мы уступать всем их требованиям? И, наконец, это совсем не их требования, а просто социалисты научили их, они и кричат... (Горячо.) Этого я не понимаю! За границей социализм на своем месте и действует открыто... А у нас, в России, его нашептывают рабочим из-за углов, совершенно не понимая, что в монархическом государстве это неуместно!.. Нам нужна конституция, а совсем не это... Как вы думаете, Николай Васильевич?

Николай (усмехаясь). Несколько иначе. Социализм очень опасное явление. И в стране, где нет самостоятельной, так сказать, расовой философии, где всё хватают со стороны и на лету, там он должен найти для себя почву... Мы люди крайностей... вот наша болезнь.

Полина. Это очень верно! Да, мы люди крайностей.

Татьяна (вставая). Особенно ты и твой муж. Или вот товарищ прокурора...

Полина. Ты не знаешь, Таня... а Захара считают одним из красных в губернии!

Татьяна (ходит). Я думаю, он краснеет только со стыда, да и то не часто...

Полина. Таня! Что ты, бог с тобой?..

Татьяна. Разве это обидно? Я не знала... Мне наша жизнь кажется любительским спектаклем. Роли распределены скверно, талантов нет, все играют отвратительно... Пьесу нельзя понять...

Николай. В этом есть правда. И все жалуются - ах, какая скучная пьеса!

Татьяна. Да, мы портим пьесу. Мне кажется, это начинают понимать статисты и все закулисные люди... Однажды они прогонят нас со сцены...

(Идут генерал и Конь.)

Николай. Однако! Куда вы метнули.

Генерал (кричит, подходя). Полина! Молока генералу, - х-хо! Холодного молока!.. (К Николаю.) А-а, гроб законов!.. Моя превосходная племянница, ручку! Конь, отвечай урок: что есть солдат?

Конь (скучно). Как угодно начальству, ваше превосходительство!

Генерал. Может солдат быть рыбой, а?

Конь. Солдат должен все уметь...

Татьяна. Милый дядя, вы и вчера забавляли нас этой сценой... Неужели каждый день?

Полина (вздыхая). Каждый день, после купанья.

Генерал. Каждый день, да! И всегда разное - обязательно! Он, старый шут, должен сам выдумывать ответы и вопросы.

Татьяна. Вам это нравится, конь?

Конь. Его превосходительству нравится.

Татьяна. А вам?

Генерал. Ему тоже...

Конь. Стар я для цирка... ну, а терпеть надо, когда есть нужно...

Генерал. А! Хитрая каналья! Кругом марш!..

Татьяна. Вам не скучно издеваться над стариком?

Генерал. Я сам старик! А вы сами скучная... Актриса должна смешить, а вы что?

Полина. Ты знаешь, дядя...

Генерал. Ничего не знаю...

Полина. Мы закрываем завод...

Генерал. Ага! Прекрасно! Он – свистит. Рано утром спишь так крепко, вдруг – у-у-у! Закрывать его!..

Михаил (быстро идет). Николай, на минутку! Ну, завод закрыт. Но на всякий случай надо принять меры... Пошли телеграмму вице-губернатору: кратко сообщи положение дела и требуй солдат... Подпиши моим именем.

Николай. Я с ним тоже приятель.

Михаил. Иду объявить этим депутатам – к черту!.. Ты не говори о телеграмме, я сам скажу, когда будет нужно... Да?

Николай. Хорошо.

Михаил. А великолепно чувствуется, когда поставишь на своем! Я, брат, старше тебя годами, но моложе душой, а?

Николай. Это не молодость, а нервозность, я думаю...

Михаил (с иронией). Вот я тебе покажу нервозность! Увидишь! (Смеется, уходит.)

Полина. Решили, Николай Васильевич, да?

Николай (уходя). Да, кажется.

Полина. О, боже мой!

Генерал. Что решили?

Полина. Закрывать завод...

Генерал. Ах, да... Конь!

Конь. Здесь.

Генерал. Удочки и лодку.

Конь. Готово.

Генерал. Пойду молчать с рыбами... Это более умно, чем скучать с людьми... (Хохочет.) Ловко сказано, а? (Надя бежит.) А-а, мотылек!.. Что такое?

Надя (радостно). Приключение! (Обернувшись назад, зовет.) Идите, пожалуйста! Греков! Вы не пускайте его,

Клеопатра Петровна! Знаешь, тетя, выходим мы из лесу – вдруг трое пьяных рабочих... понимаешь?

Полина. Ну вот! Я всегда говорила тебе...

Клеопатра (за нею Греков). Представьте, какая гадость!

Надя. Почему – гадость? Просто смешно!.. Трое рабочих, тетя... Улыбаются и

Враги. Максим Горький gorkiуmaxim.ru  
говорят: "Барыни вы наши милые..."

Клеопатра. Я непременно попрошу мужа прогнать их...

Греков (улыбаясь). За что же?

Генерал (Наде). Это кто такой – чумазый?

Надя. Наш спаситель, дед, понимаешь?

Генерал. Ничего не понимаю!

Клеопатра (Наде). Вы рассказываете бог знает как.

Надя. Я говорю, как нужно!

Полина. Но ничего нельзя понять, Надя!

Надя. Вы мне мешаете потому что!.. Подходят к нам и говорят: "Барышни! давайте с нами песни петь..."

Полина. Ах, какое нахальство!

Надя. Совсе нет! "Мы, говорят, знаем, – вы очень хорошо поете... Конечно, мы выпивши, но выпившие мы лучше!" Это верно, тетя! Пьяные они не такие хмурые, как всегда...

Клеопатра. На наше счастье, вот этот молодой человек...

Надя. Я расскажу лучше вас! Клеопатра

Петровна начала их ругать... Это вы напрасно! Уверю вас!.. Тогда один из них, такой высокий и худой...

Клеопатра (с угрозой). Я его знаю!

Надя. Взял ее за руку и – так грустно – сказал: "Такая вы красивая, образованная женщина, смотреть на вас приятно, а вы – ругаетесь. Разве мы вас обидели?" Он очень хорошо сказал, так... от души! Ну, а другой, – он действительно... Он сказал: "Чего ты с ними говоришь? Разве они что-нибудь могут понять? Они – зверье!.." Это мы зверье – я и она! (Смеется.)

Татьяна (усмехаясь). Ты, кажется, довольна этим титулом?

Полина. Я говорила тебе, Надя... Вот ты бегаешь всюду...

Греков (Наде). Я могу идти?

Надя. О нет, пожалуйста! Хотите чаю? Или молока? Хотите?

(Генерал хохочет, Клеопатра пожимает плечами. Татьяна смотрит на Грекова и что-то напевает сквозь зубы. Полина опустила голову и тщательно вытирает ложки полотенцем.)

Греков (улыбаясь). Спасибо, не хочу.

Надя (убедительно). Вы, пожалуйста, не стесняйтесь!.. Это всё... добрые люди, уверю вас!

Полина (протестуя). О, Надя!

Надя (Грекову). Вы не уходите, я сейчас все расскажу...

Клеопатра (недовольно). Одним словом, этот молодой человек явился вовремя и уговорил своих пьяниц-товарищей оставить нас в покое... а я попросила его проводить нас. Вот и все...

Надя. Ах, ну что это! Если бы все было, как вы рассказываете... все умерли бы со

скуки!

Генерал. Каково, а?

Надя (Грекову). Вы сядьте! Тетя, да пригласите же его сесть! Отчего вы все такие кислые?

Полина (сидя, Грекову). Благодарю вас, молодой человек...

Греков. Не за что...

Полина (более сухо). С вашей стороны было очень хорошо защитить женщин.

Греков (спокойно). Они не нуждались в защите... их никто не обижал.

Надя. Но, тетя же! Разве можно так говорить?..

Полина. Я попрошу не учить меня...

Надя. Но пойми - никакой защиты не было! Он просто сказал им: "Оставьте, товарищи, это нехорошо!" Они обрадовались ему: "Греков! Идем с нами, ты - умный!" Он действительно, тетя, очень умный... вы извините меня, Греков, но ведь это правда!..

Греков (усмехаясь). Вы ставите меня в неловкое положение...

Надя. Это не я, а вот они. Греков!

Полина. Надя!.. Ты знаешь, я не понимаю экстаза... Все это смешно... И - довольно!

Надя (возбужденно). Так смейтесь! Почему же вы сидите, как сычи? Смейтесь!

Клеопатра. У Нади способность из всякого пустяка делать историю с шумом, с восторгом. И особенно это хорошо сейчас на глазах... чужого человека, который, видите, - смеется над ней.

Надя (Грекову). Вы надо мной смеетесь? Почему?

Греков (просто). Я люблюсь вами, а не смеюсь...

Полина (поражена). Что? Дядя...

Клеопатра (усмехаясь). Вот вам!

Генерал. Ну, баста! Хорошенького понемножку. Молодой человек, вот, возьми себе и - ступай...

Греков (отворачиваясь). Благодарю... не нужно.

Надя (закрыв лицо руками). Ой! Зачем?

Генерал (останавливая Грекова). Подожди! Это - десять рублей...

Греков (спокойно). Ну, и что же?

(Секунду все молчат.)

Генерал (смущен). Э... Вы кто такой?

Греков. Рабочий.

Генерал. Кузнец?

Греков. Слесарь.

Генерал (строго). Это все равно! А почему ты не берешь деньги, а?

Греков. Не хочу.

Генерал (раздражаясь). Что за комедия? Чего же тебе нужно?

Греков. Ничего.

Генерал. А может быть, ты хочешь попросить руку барышни, а? (Хохочет. Все смущены выходкой генерала.)

Надя. Ой!.. что вы делаете!

Полина. Дядя, пожалуйста...

Греков (генералу спокойно). Вам сколько лет?

Генерал (удивлен). Что? Мне... лет?

Греков (так же). Сколько вам лет?

Генерал (оглядываясь). Что такое? Шестьдесят один год... Ну, и что же?

Греков (идет прочь). В эти годы следует быть умнее.

Генерал. Как?.. Мне... умнее?..

Надя (бежит за Грековым). Послушайте... вы не сердитесь! Он – старик. И все они добрые люди, честное слово!

Генерал. Что за чертовщина?

Греков. Вы не беспокойтесь... это все естественно!

Надя. Им – жарко... У них поэтому дурное настроение... А я так плохо рассказала.

Греков (улыбаясь). Как бы вы ни рассказали, вас не поймут, поверьте.

(Они скрываются.)

Генерал (ошалев). Это он меня... смел, а?

Татьяна. Вы напрасно сунули ваши деньги.

Полина. Ах, Надя... Эта Надя!

Клеопатра. Скажите! Какой гордый испанец! Вот я попрошу мужа, чтоб он его...

Генерал. Такой щенок!

Полина. Надя – невозможна!.. Пошла с ним... Как она волнует!

Клеопатра. Они с каждым днем все больше распускаются, ваши социалисты...

Полина. Почему вы думаете, что он социалист?

Клеопатра. Уж я вижу! Все порядочные рабочие – социалисты.

Генерал. Я скажу Захару... сегодня же в шею с завода этого молокососа!

Татьяна. Завод закрыт.

Генерал. Вообще – в шею!

Полина. Таня! Позови Надю... я прошу тебя! Скажи ей, что я поражена...

(Татьяна идет.)

Генерал. Ах, скотина! Сколько лет, а?

Клеопатра. Эти пьяные свистели вслед нам... А вы с ними любезничаете... чтения разные... к чему это?

Полина. Да, да!.. Вы представьте: в четверг, я еду в деревню, вдруг свистят! Даже мне свистят, а? Не говоря о неприличии – это может испугать лошадей!

Клеопатра (поучительно). Захар Иванович во многом виноват!.. Он неверно определяет расстояние между собой и этим народом, как говорит муж...

Полина. Он мягок... он хочет быть добрым со всеми! Добрые отношения с народом выгоднее для обеих сторон, это его убеждение... Крестьяне очень оправдывают его взгляды... Берут землю, платят аренду, и – все идет прекрасно. А эти... (Идут Татьяна и Надя.) Надя! моя милая, ты понимаешь, как неприлично...

Надя (горячо). Это вы... вы неприличны! Вы все угорели от жары, вы злые, больные и ничего не понимаете!.. А вы, дед... ах, какой вы глупый!..

Генерал (взбешен). Я? Глуп? Еще раз?

Надя. Зачем вы сказали это... о руке? Не стыдно вам?

Генерал. Стыдно? Нет, баста! Благодарю! Довольно на сегодня! (Идет прочь и орет.) Конь! Черт бы взял всю твою родню, где там увязли твои дурацкие ноги, болван, тулая башка?!

Надя. А вы, тетя, вы!.. Еще за границей жили, о политике говорите!.. Не пригласить человека сесть, не дать ему чашку чая!.. Эх вы...

Полина (встает, бросает ложку). Это нестерпимо... что ты говоришь?..

Надя. И вы, Клеопатра Петровна, тоже... дорогой вы были с ним и ласковы и любезны, а здесь...

Клеопатра. Да что ж – целовать мне его, что ли? Извините, он не умыт. И я не расположена слушать ваши выговоры. Вот, Полина Дмитриевна, видите? Это демократизм или – как там – гуманизм!.. Это все ложится пока на шею моего мужа... но ляжет и на вашу, вы увидите!

Полина. Клеопатра Петровна, я извиняюсь перед вами за Надю...

Клеопатра (уходя). Это лишнее. И не в ней дело, не в одной Наде... Все виноваты!

Полина. Послушай, Надя! Когда твоя мать, умирая, поручила мне тебя, твое воспитание...

Надя. Не трогайте мою маму! Вы говорите о ней всегда не так!

Полина (изумленно). Надя! Ты больна?.. Опомнись! Твоя мать была сестрой мне, я ее знаю лучше тебя...

Надя (со слезами, но сдерживая их). Ничего вы не знаете, вот! И бедные богатым не родня... Моя мама была бедная, хорошая... Вы не понимаете бедных!.. Вы вот даже тетю Таню не понимаете...

Полина. Надежда, я прошу тебя уйти! Уходи!

Надя (уходя). И уйду!.. А все-таки я права! Не вы, а я!

Полина. Ф-фу! Боже мой!.. Здоровая девушка – и вдруг... такой припадок, почти истерия! Ты извини меня, Таня, но здесь я вижу твое влияние... да! Ты говоришь с нею обо всем, как со взрослой... вводишь ее в компанию служащих... Эти конторщики... какие-то чудачки из рабочих... абсурд! Наконец, катанья в лодках...

Татьяна. Ты успокойся... выпей чего-нибудь, что ли! Тебе нужно согласиться, что с этим рабочим ты вела себя... довольно бестолково! Ведь он не изломал бы стула, если б ты предложила ему сесть.

Полина. Ты не права, нет... Разве можно сказать, что я дурно отношусь к рабочим?

Враги. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Но все должно иметь свои границы, моя дорогая!..

Татьяна. Затем я ее никуда не ввожу, как ты говоришь. Она сама идет... и я не думаю, что ей нужно мешать.

Полина. Она сама идет! Как будто она понимает - куда?

(Медленно идет Яков, выпивший.)

Яков (садясь). А на заводе будет бунт...

Полина (тоскливо). Ах, перестаньте, Яков Иванович!..

Яков. Будет. Бунт будет. Они зажгут завод и всех нас изжарят на огне... как зайцев.

Татьяна (с досадой). Ты, кажется, уже выпил...

Яков. Я в это время всегда уже выпил... Сейчас видел Клеопатру... это очень дрянная баба! Не потому, что у нее много любовников... но потому, что в груди у нее, вместо души, сидит старая, злая собака...

Полина (встает). Ах, боже мой, боже мой!.. Все шло хорошо, и вдруг... (Ходит по саду.)

Яков. Небольшая собака, с облезлой шерстью. Жадная. Сидит и скалит зубы... Уже сыта, все ела... но чего-то хочет еще... А чего - не знает... И беспокоится...

Татьяна. Замолчи, Яков!.. Вон идет твой брат.

Яков. Мне не нужен брат! Таня, я понимаю, меня нельзя уже любить... Но все-таки это мне обидно. Обидно... и не мешает мне любить тебя...

Татьяна. Ты бы освежился... Иди, выкупайся...

Захар (подходя). Что? Объявили уже, что завод закрывается?

Татьяна. Не знаю.

Яков. Не объявили, но рабочие знают.

Захар. Почему? Кто сказал им?

Яков. Я. Пошел и сказал.

Полина (подходит). Зачем?

Яков (пожимая плечами). Так... Им это интересно. Я им все говорю... если они слушают. Они меня любят, я думаю. Им приятно видеть, что брат их хозяина - пьяница. Это должно внушать идею равенства.

Захар. Гм... ты, Яков, часто бываешь на заводе... против этого я, конечно, ничего не имею!.. Но Михаил Васильевич говорит, что иногда ты, разговаривая с рабочими, осуждаешь порядки на заводе...

Яков. Это он врет. Я ничего не понимаю в порядках и беспорядках.

Захар. А также он говорит, что ты иногда приносишь с собой водку...

Яков. Врет. Не приношу, а посылаю за ней, и не иногда, а всегда. Ты же понимаешь, что без водки - я им не интересен!

Захар. Но, Яков, посуди сам, ты - брат хозяина...

Яков. Это не единственный мой недостаток...

Захар (обиженно). Ну, я молчу! Молчу! Вокруг меня создается непонятная мне атмосфера враждебности...

Полина. Да, это верно. Ты послушал бы, что тут говорила Надежда!

Пологий (бежит). Позвольте сказать... сейчас - сейчас убит господин директор...

Захар. Как?

Полина. Вы... что вы?

Пологий. Совершенно... убит... упал...

Захар. Кто... кто стрелял?

Пологий. Рабочие...

Полина. Схватили их?

Захар. Доктор там?

Пологий. Я не знаю...

Полина. Яков Иванович!.. Да идите вы!

Яков (разводя руками). Куда?

Полина. Как это случилось?

Пологий. Господин директор были в ажитации... и попали ногой в живот рабочему...

Яков. Идут... Сюда...

(Шум. Ведут Михаила Скроботова, под одну руку Левшин, лысоватый пожилой рабочий, под другую - Николай. Их провожают несколько рабочих и служащих.)

Михаил (устало). Оставьте меня... положите...

Николай. Ты видел, кто стрелял?

Михаил. Я устал... я устал...

Николай (настойчиво). Ты заметил, кто стрелял?

Михаил. Мне больно... Какой-то рыжий... Положите меня... Какой-то рыжий...

(Его укладывают на дерновую скамью.)

Николай (уряднику). Вы слышали? Рыжий...

Урядник. Слушаю!..

Михаил. А! Теперь все равно...

Левшин (Николаю). Вы бы не тревожили его в такую минуту...

Николай. Молчать! Где же доктор?.. Доктор где, я спрашиваю?

(Все бестолково суетятся, шепчутся.)

Михаил. Не кричи... Мне больно... Дайте же отдохнуть!..

Левшин. Отдохните, Михаил Васильевич, ничего! Эх, дела человеческие, копеечные дела! Из-за копейки пропадем... Она и мать нам и смерть наша...

Николай. Урядник! Попросите удалиться всех лишних.

Урядник (негромко). Пошел прочь, ребята! Нечего тут смотреть...

Захар (тихо). Где же доктор?



Николай. Миша!.. Миша!.. (Наклоняется к брату, и все наклоняются за ним.) Мне кажется... он скончался... да.

Захар. Не может быть! Это обморок.

Николай (медленно, негромко). Вы понимаете, Захар Иванович? Он умер...

Захар. Но... вы можете ошибиться!

Николай. Нет. Это вы поставили его под выстрел, вы!

Захар (поражен). Я?

Татьяна. Как это жестоко... глупо!

Николай (наступая на Захара). Да, вы!..

Становой (бежит). Где господин директор? Тяжело ранен?

Левшин. Помер. Торопил, торопил всех, а сам - вот...

Николай (становому). Он успел сказать, что его убил какой-то рыжий...

Становой. Рыжий?

Николай. Да, примите меры... немедленно!

Становой (уряднику). Немедленно собрать всех рыжих!

Урядник. Слушаю.

Становой. Всех!

(Урядник уходит.)

Клеопатра (бежит). Где он?.. Миша!.. Что такое... обморок? Николай Васильевич... Это обморок? (Николай отвертывается в сторону.) Умер? Нет?

Левшин. Успокоился... Пистолетом грозил. А вот он, пистолет, против него и обернулся.

Николай (злобно, но негромко). Вы - прочь! (Становому.) Уберите этого!

Клеопатра. Ну, что... что, доктор?

Становой (Левшину, тихо). Ты! Пошел!

Левшин (тихо). Иду. Зачем толкать?

Клеопатра (негромко). Убили?

Полина (Клеопатре). Моя дорогая...

Клеопатра (негромко, зло). Подите прочь! Ведь это ваше дело... ваше!

Захар (подавленно). Я понимаю... вы поражены... но зачем же... зачем же так?

Полина (со слезами). Вы подумайте, дорогая, как это страшно!..

Татьяна (Полине). Ты уйди... Где же доктор?

Клеопатра. Это вы убили его вашей проклятой дряблостью!

Николай (сухо). Успокойтесь, Клеопатра! Захар

Иванович не может не сознавать своей вины перед нами...

Враги. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Захар (подавленный). Господа... Я не понимаю! Что вы говорите? Разве можно бросать такое обвинение?

Полина. Какой ужас! Боже мой... так безжалостно!

Клеопатра. А, безжалостно? Вы натравили на него рабочих, вы уничтожили среди них его влияние... Они боялись его, они дрожали перед ним... и – вот! Теперь они убили... Это вы... вы виноваты! На вас его кровь!..

Николай. Довольно... не надо кричать!

Клеопатра (Полине). Плачете? Пусть она из глаз ваших потечет, его кровь!..

Урядник (идет). Ваше благородие!..

Становой. Тише, ты!

Урядник. Рыжие готовы!

(В глубине сада идет генерал, толкая перед собой коня, громко хохочет.)

Николай. Тише!.. Клеопатра. Что, убийцы?

Занавес

## ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Лунная ночь. На земле лежат густые, тяжелые тени. На столе в беспорядке набросано много хлеба, огурцов, яиц, стоят бутылки с пивом. Горят свечи в абажурах. Аграфена моет посуду. Ягодин, сидя на стуле с палкой в руке, курит. Слева стоят Татьяна, Надя, Левшин. Все говорят тихо, пониженными голосами и как будто прислушиваясь к чему-то. Общее настроение – тревожного ожидания.

Левшин (Наде). Все человеческое на земле – медью отравлено, барышня милая! Вот отчего скучно душе вашей молодой... Все люди связаны медной копеечкой, а вы свободная еще, и нет вам места в людях. На земле каждому человеку копейка звенит: возлюби меня, яко самого себя... А вас это не касается. Птичка не сеет, не жнет.

Ягодин (Аграфене). Левшин и господ учить начал... чудак!

Аграфена. Что ж? Он правду говорит. Немножко правды и господам знать надо.

Надя. Вам очень тяжело жить, Ефимыч?

Левшин. Мне – не очень. У меня детей нет. Баба есть – жена, значит, – а дети все померли.

Надя. Тетя Таня! Почему, когда в доме мертвый, все говорят тихо?..

Татьяна. Я не знаю...

Левшин (с улыбкой). Потому, барышня, что виноваты мы перед покойником, кругом виноваты...

Надя. Но ведь не всегда, Ефимыч, людей... вот так... убивают... При всяком покойнике тихо говорят...

Левшин. Милая, – всех мы убиваем! Которых пулями, которых словами, всех мы убиваем делами нашими. Гоним людей со свету в землю и не видим этого, и не чувствуем... а вот когда бросим человека смерти, тогда и пойдем немножко нашу вину перед ним. Станет жалко умершего, стыдно пред ним и страшно в душе... Ведь и нас так же гонят, и мы в могилу приготовлены!..

Надя. Да-а... это страшно!

Левшин. Ничего! Теперь – страшно, а завтра – все пройдет. И опять начнут люди толкаться... Упадёт человек, которого затолкают, все замолчат на минутку,

Враги. Максим Горький gorkiy.moscow.ru  
сконфузятся... вздохнут – да и опять за старое!.. Опять своим путем... Темнота!  
А вот вы, барышня, вины своей не чувствуете: вам и покойники не мешают, вы и при  
них можете громко говорить...

Татьяна. Что нужно сделать, чтобы жить иначе?.. Вы знаете?..

Левшин (таинственно). Копейку надо уничтожитьсхоронить ее надо! Ее не будет,-  
зачем враждовать, зачем теснить друг друга?

Татьяна. Это – всё?

Левшин. Для начала – хватит!..

Татьяна. Хочешь пройтись по саду, Надя?

Надя (задумчиво). Хорошо...

(Они идут в глубину сада; Левшин – к столу. У палатки появляются генерал. Конь,  
Пологий.)

Ягодин. Ты, Ефимыч, и на камне сеешь... чудак!

Левшин. А что?

Ягодин. Напрасно стараешься... Разве они поймут? Рабочая душа поймет, а  
господской это не по недугу...

Левшин. Девчоночка–то хорошая. Мне про нее Митяйка Греков сказывал...

Аграфена. Может, еще выпьете чаю?

Левшин. Это – можно.

(Молчат. Слышен густой голос генерала. Мелькают белые платья Нади и Татьяны.)

Генерал. Или протянуть через дорогу веревку... так, чтобы ее не видно было...  
идет человек и вдруг – хлоп!

Пологий. Приятно видеть, когда человек падает, ваше превосходительство!

Ягодин. Слышишь?

Левшин. Слышу...

Конь. Сегодня этого нельзя ничего – покойник в доме. При покойнике не шутят.

Генерал. Не учить меня! Когда ты умрешь, я плясать буду!

(К столу идут Татьяна и Надя.)

Левшин. Стар человек!

Аграфена (идет к дому). Уж так он озорничать любит...

Татьяна (садится к столу.) Ефимыч, скажите, вы – социалист?

Левшин (просто). Я–то? Нет. Мы вот с Тимофеем ткачи, мы – ткачи...

Татьяна. А вы знаете социалистов? Слышали о них?

Левшин. Слыхали... Знать – не знаем, а слыхали, да!

Татьяна. Вы Синцова знаете? Конторщика?

Левшин. Знаем. Мы всех служащих знаем.

Татьяна. Говорили с ним?

Враги. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru  
Ягодин (беспокойно). О чем нам говорить? Они – наверху, мы – внизу. Придешь в контору, они нам скажут, что им директор велел... и всё! Вот и знакомство.

Надя. Вы, кажется, боитесь нас, Ефимыч? Вы не бойтесь, нам интересно...

Левшин. Зачем бояться? Мы ничего худого не сделали. Нас вот позвали сюда для охраны порядка, – мы пришли. Там народ, который разозлился, говорит: сожжем завод и всё сожжем, одни угли останутся. Ну, а мы против безобразия. Жечь ничего не надо... зачем жечь? Сами же мы строили, и отцы наши, и деды... и вдруг – жечь!

Татьяна. Вы не думаете ли, что мы расспрашиваем вас с каким-нибудь злым умыслом?

Ягодин. Зачем? Мы зла не желаем!

Левшин. Мы так думаем – что сработано, то свято. Труды людские ценить надо по справедливости, это так, а не жечь. Ну, а народ темен – огонь любит. Обозлились. Покойничек строгонек был с нами, не тем будь помянут! Пистолетом махал... угрожал.

Надя. А дядя? Он – лучше?

Ягодин. Захар Иванович?

Надя. Да! Он – добрый? Или он... тоже обижает вас?

Левшин. Мы этого не говорим...

Ягодин (угрюмо). Для нас все одинаковы. И строгие и добрые...

Левшин (ласково). И строгий – хозяин, и добрый – хозяин. Болезнь людей не разбирает.

Ягодин (скучно). Конечно, Захар Иванович человек с сердцем...

Надя. Значит, лучше Скроботова, да?

Ягодин (тихо). Да ведь директора нет уж...

Левшин. Дядюшка ваш, барышня, мужчина хороший... Только нам... нам от красоты его не легче.

Татьяна (с досадой). Пойдем, Надя... Они не хотят понять нас... ты видишь!

Надя (тихо). Да...

(Молча идут. Левшин смотрит вслед им, потом на Ягодина; оба улыбаются.)

Ягодин. Вот тянут за душу!

Левшин. Интересно, видишь, им...

Ягодин. А может, думают, и сболтнут чего-нибудь.

Левшин. Барышня-то хорошая... Жаль – богатая!

Ягодин. Матвею-то Николаевичу надо сказать... барыня, мол, расспрашивает...

Левшин. Скажем. И Грекову Митяйке скажем.

Ягодин. Как-то там, а? Должны нам уступить...

Левшин. Уступят. А погода опять наступят.

Ягодин. На горло нам...

Левшин. А как же?

Ягодин. Да-а... Спать хочется!

Левшин. Потерпи... Вон генерал идет.

(Генерал. Рядом с ним почтительно шагает Пологий, сзади – Конь. Пологий вдруг подхватывает генерала под руку.)

Генерал. Что такое?

Пологий. Ямочка!..

Генерал. А!.. Что тут на столе? Дрянь какая-то. Это вы ели?

Ягодин. Так точно... Барышня тоже с нами кушали.

Генерал. Ну, что же?.. Охраняете, а?

Ягодин. Так точно... караулим.

Генерал. Молодцы! Скажу про вас губернатору. Вас сколько тут?

Левшин. Двое.

Генерал. Дурак! Я умею считать до двух... Сколько всех?

Ягодин. Человек тридцать.

Генерал. Оружие есть?

Левшин (Ягодину). Тимофей, у тебя где пистолет?

Ягодин. Вот он.

Генерал. Не бери за дуло... черт! Конь, научи болванов, как надо держать оружие в руке. (Левшину.) У тебя есть револьвер?

Левшин. Не-ет, у меня нет!

Генерал. Что же, если мятежники придут, вы будете стрелять?

Левшин. Они не придут, ваше превосходительство... так это они: погорячились, и – прошло.

Генерал. А если придут?

Левшин. Обиделись они очень... по случаю закрытия завода... Некоторые детей имеют...

Генерал. Что ты мне поешь! Я спрашиваю – стрелять будешь?

Левшин. Да мы, ваше превосходительство, готовы... почему же не пострелять? Только не умеем мы. И – не из чего. Из ружей бы... Из пушек.

Генерал. Конь! Иди, научи их... Ступай туда, к реке...

Конь (угрюмо). Докладываю вашему превосходительству – ночь теперь. И произойдет возбуждение, если стрелять. Прилезет народ. А мне – как желаете.

Генерал. Отложить до завтра!

Левшин. А завтра все будет тихо. Завод откроют...

Генерал. Кто откроет?

Левшин. Захар Иванович. Он теперь насчет этого беседует с рабочими...

Генерал. Черт! Я бы этот завод закрыл навсегда. Не свисти рано утром!..

Ягодин. Попозднее и нам бы лучше.

Генерал. А вас всех – уморить голодом! Не бунтуй!

Левшин. Да мы разве бунтуем?

Генерал. Молчать! Вы чего тут торчите? Вы должны ходить вдоль забора... и если кто полезет – стрелять... Я отвечаю!

Левшин. Идем, Тимофей! Пистолет-то захвати.

Генерал (вслед им). Пистолет!.. Ослы зеленые! Даже оружия не могут правильно назвать...

Пологий. Осмелюсь доложить вашему превосходительству – народ вообще грубый и зверский... Возьму свой случай: имея огород, собственноручно развожу в нем овощи...

Генерал. Да. Это похвально!

Пологий. Работаю по мере свободного времени...

Генерал. Все должны работать!

(Татьяна и Надя.)

Татьяна (издали). Зачем вы так кричите?

Генерал. Меня раздражают. (Пологому.) ну?

Пологий. Но почти каждую ночь рабочие похищают плоды моих трудов...

Генерал. Воруют?

Пологий. Именно! Ищу защиты закона, но оный представлен здесь господином становым приставом, личностью, равнодушной к бедствиям населения...

Татьяна (Пологому). Послушайте, зачем вы говорите таким глупым языком?

Пологий (смущен). Я? Извините!.. Но я три года учился в гимназии и ежедневно читаю газету...

Татьяна (улыбаясь). Ах, вот что...

Надя. Вы очень смешной. Пологий!

Пологий. Если это вам приятно, я очень рад! Человек должен быть приятен...

Генерал. Вы рыбу удить любите?

Пологий. Не пробовал, ваше превосходительство!

Генерал (пожимая плечами). Странный ответ.

Татьяна. Чего не пробовали – удить или любить?

Пологий (сконфузился). Первое.

Татьяна. А второе?

Пологий. Второе пробовал.

Татьяна. Вы женаты?

Пологий. Только мечтаю об этом... Но, получая всего двадцать пять рублей в месяц (быстро идут Николай и Клеопатра) – не могу решиться.

Николай (обозлен). Нечто изумительное! Полный хаос!

Клеопатра. Как он смеет? Как он мог!..

Генерал. В чем дело?

Клеопатра (кричит). Ваш племянник – тряпка! Он согласился на все требования бунтовщиков... убийц моего мужа!

Надя (тихо). Но разве все они убийцы?

Клеопатра. Это глумление над трупом... и надо мной! Открыть завод в то время, когда еще не похоронен человек, которого мерзавцы убили именно за то, что он закрыл завод!

Надя. Но дядя боится, что они всё сожгут...

Клеопатра. Вы ребенок... и должны молчать.

Николай. А речь этого мальчишки!.. Явная проповедь социализма...

Клеопатра. Какой-то конторщик всем распоряжается, дает советы... осмелился сказать, что преступление было вызвано самим покойным!..

Николай (записывая что-то в записную книжку). Этот человек подозрителен, – он слишком умен для конторщика...

Татьяна. Вы говорите о Синцове?

Николай. Именно.

Клеопатра. Я чувствую, что мне как будто плюнули в лицо...

Пологий (Николаю). Позвольте заметить: читая газеты, господин Синцов всегда рассуждает о политике и очень пристрастно относится к властям...

Татьяна (Николаю). Вам это интересно слышать?

Николай (с вызовом). Да, интересно!.. Вы думаете меня смутить?

Татьяна. Я думаю, что господин Пологий лишний здесь...

Пологий (смущенно). Извините... я уйду! (Уходит спешно.)

Клеопатра. Он идет сюда... я не хочу, не могу его видеть! (Быстро уходит.)

Надя. Что такое творится?

Генерал. Я слишком стар для такой канители. Убивают, бунтуют!.. Пригласив меня к себе отдохнуть, Захар должен был предвидеть... (Появляется Захар; взволнован, но доволен. Видит Николая, смущенно останавливается, поправляет очки.) Послушай, дорогой племянник... э... ты понимаешь свои поступки?

Захар. Подождите, дядя, минутку... Николай Васильевич!

Николай. Да-с...

Захар. Рабочие были так возбуждены... и боюсь разгрома завода... я удовлетворил их требование не прекращать работ. А также насчет Дичкова... Я поставил им условие – выдать преступника, и они уже принялись искать его...

Николай (сухо). Они могли бы не беспокоиться об этом. Мы найдем убийцу без их помощи.

Захар. Мне кажется, лучше, если они сами... да... Завод мы решили открыть завтра с полудня...

Николай. Кто это – мы?

Захар. Я...

Николай. Ага... Благодарю за сообщение... Однако мне кажется, что после смерти брата его голос переходит ко мне и к его жене, и, если я не ошибаюсь, вы должны были посоветоваться с нами, а не решать вопроса единолично...

Захар. Но я вас приглашал! Синцов ходил за вами... вы отказались...

Николай. Согласитесь, что мне трудно в день смерти брата заниматься делами!

Захар. Но ведь вы были там, на заводе!

Николай. Да, был. Слушал речи... ну, что ж из этого?

Захар. Но поймите – покойный, оказывается, отправил в город телеграмму... он просил солдат. Ответ получен – солдаты придут завтра до полудня...

Генерал. Ага! Солдаты? Вот это так! Солдаты – это не шутка!

Николай. Мера разумная...

Захар. Не знаю! Придут солдаты... настроение рабочих повысится... И бог знает что может случиться, если не открыть завод! Мне кажется, я поступил разумно... возможность кровавого столкновения теперь исчезла...

Николай. У меня иной взгляд... Вы не должны были уступать этим... людям, хотя бы из уважения к памяти убитого...

Захар. Ах, боже мой... Но вы ничего не говорите о возможной трагедии!

Николай. Это меня не касается.

Захар. Ну да... но я-то? Ведь я должен буду жить с рабочими! И если прольется их кровь... Наконец, они могли разбить весь завод?

Николай. В это я не верю.

Генерал. Я тоже!

Захар (подавлен). Итак, вы осуждаете меня?

Николай. Да, осуждаю!

Захар (искренно). Зачем... зачем вражда? Я ведь хочу одного – избежать возможного... я не хочу крови. Неужели неосуществимо мирное, разумное течение жизни? А вы смотрите на меня с ненавистью, рабочие – с недоверием... Я же хочу добра... только добра!

Генерал. Что такое – добро? Даже не слово, а буква... Глаголь, добро... А делай – дело... Как сказано, а?

Надя (со слезами). Молчи, дед! Дядя... успокойся... он не понимает!.. Ах, Николай Васильевич, – как вы не понимаете? Вы такой умный... почему вы не верите дяде?

Николай. Извините, Захар Иванович, я уйду. Я не могу вести деловые разговоры с участием детей...

(Идет прочь.)

Захар. Вот видишь, Надя...

Надя (берет его за руку). Это ничего, ничего... Знаешь, главное, чтобы рабочие были довольны... их так много, их больше, чем нас!..

Захар. Подожди... я должен тебе сказать... я очень недоволен тобой, да!

Генерал. Я тоже!



Враги. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Захар. Ты симпатизируешь рабочим... Это естественно в твои годы, но не надо терять чувства меры, дорогая моя! Вот ты утром привела к столу этого Грекова... я его знаю, он очень развитой парень, - однако тебе не следовало из-за него устраивать тете сцену.

Генерал. Хорошенько ее!

Надя. Но ведь ты не знаешь, как это было...

Захар. Я знаю больше тебя, поверь мне! Народ наш груб, он некультурен... и, если протянуть ему палец, он хватает всю руку...

Татьяна. Как утопающий - соломинку.

Захар. В нем, мой друг, много животной жадности, и его нужно не баловать, а воспитывать... да! Ты, пожалуйста, подумай над этим.

Генерал. А теперь я скажу. Ты обращаешься со мной черт знает как, девчонка! Напоминаю тебе, что ты моей ровесницей будешь лет через сорок... тогда я, может быть, позволю тебе говорить со мной, как с равным. Поняла? Конь!

Конь (за деревьями). Здесь!

Генерал. Где этот... как его, штопор?

Конь. Какой штопор?

Генерал. Этот... как его? Плоский... Ползучий...

Конь. Пологий. Не знаю.

Генерал (идет в палатку). Найди!

(Захар, опустив голову и вытирая платком очки, ходит; Надя задумчиво сидит на стуле; Татьяна стоит, наблюдая.)

Татьяна. Известно, кто убил?

Захар. Они говорят - не знаем, но - найдем... Конечно, они знают. Я думаю... (Оглядываясь, понижает голос.) Это коллективное решение... заговор! Говоря правду, он раздражал их, даже издевался над ними. В нем была этакая болезненная особенность... он любил власть... И вот они... ужасно это, ужасно своей простотой! Убили человека и смотрят такими ясными глазами, как бы совершенно не понимая своего преступления... Так страшно просто!

Татьяна. Говорят, Скроботов хотел стрелять, но кто-то из них вырвал у него револьвер и...

Захар. Это все равно. Убили они... а не он...

Надя. Ты бы сел... а?

Захар. Зачем он вызвал солдат? Они об этом узнали... они всё знают! И это ускорило его смерть. Я, конечно, должен был открыть завод... в противном случае, я надолго испортил бы мои отношения с ними. Теперь такое время, когда к ним необходимо относиться более внимательно и мягко... и кто знает, чем оно может кончиться? В такие эпохи разумный человек должен иметь друзей в массах... (Левшин идет в глубине сцены.) Это кто идет?

Левшин. Это мы ходим... охраняем.

Захар. Что, Ефимыч, убили человека, а теперь вот стали ласковые, смирные, а?

Левшин. Мы, Захар Иванович, всегда такие... смирные.

Захар (внушительно). Да. И смиренно убиваете?.. Кстати, ты, Левшин, что-то там проповедуешь... какое-то новое учение - не нужно денег, не нужно хозяев и прочее... Это простительно... то есть понятно у Льва Толстого, да... Ты бы, мой

Враги. Максим Горький gorkiymaxim.ru  
друг, прекратил это! Из таких разговоров ничего хорошего для тебя не будет.

(Татьяна и Надя идут направо, где звучат голоса Синцова и Якова; из-за деревьев появляется Ягодин.)

Левшин (спокойно). Да я что говорю? Пожил, подумал, ну и говорю...

Захар. Хозяева – не звери, вот что надо понимать... Ты знаешь – я не злой человек, я всегда готов помочь вам, я желаю добра...

Левшин (вздыхнув). Кто себе зла желает?

Захар. Ты пойми – я вам, вам хочу добра!

Левшин. Мы понимаем...

Захар (посмотрев на него). Нет, ты ошибаешься. Вы не понимаете. Странные вы люди! То – звери, то – дети...

(Идет прочь. Левшин, опираясь руками на палку, смотрит вслед ему.)

Ягодин. Опять проповедь читал?

Левшин. Китаец... Совсем китаец... Что говорит? Ничего, кроме себя, не может понять...

Ягодин. Добра, говорит, хочу...

Левшин. Вот, вот!

Ягодин. Идем, а то вон они!..

(Идут в глубину сцены. Справа Татьяна, Надя, Яков, Синцов.)

Надя. Кружимся мы все, ходим... точно во сне.

Татьяна. Хотите закусить, Матвей Николаевич?

Синцов. Дайте лучше стакан чаю... Я сегодня говорил, говорил... даже горло болит.

Надя. Вы ничего не бойтесь?

Синцов (садясь за стол). Я? Ничего!

Надя. А мне страшно!.. Вдруг все как-то спуталось, и я уж и не понимаю... где хорошие люди, где – дурные?

Синцов (улыбаясь). Распутается. Вы только не бойтесь думать... думайте бесстрашно, до конца!.. Вообще – бояться нечего.

Татьяна. Вы полагаете – все успокоилось?

Синцов. Да. Рабочие редко побеждают, и даже маленькие победы дают им большое удовлетворение.

Надя. Вы их любите?

Синцов. Это не то слово. Я с ними долго жил, знаю их, вижу их силу... верю в их разум...

Татьяна. И в то, что им принадлежит будущее?

Синцов. И в это.

Надя. Будущее... Вот чего я не могу себе представить.

Татьяна (усмехаясь). Они очень хитрые, эти ваши пролетарии! Мы с Надей пробовали

Враги. Максим Горький gorkiумахit.ru  
говорить с ними... вышло глупо...

Надя. Обидно даже. Старик говорил так, точно мы обе – какие-то нехорошие люди... шпионы, что ли! Тут есть другой... Греков... он иначе смотрит на людей. А старик все улыбается... И – так, точно ему жалко нас, точно мы бальные!..

Татьяна. Не пей ты так много, Яков! Неприятно смотреть.

Яков. Что ж мне делать?

Синцов. Разве уж нечего?

Яков. Питаю отвращение... непобедимое отвращение к деловитости и к делам. Я, видите ли, человек третьей группы...

Синцов. Как?

Яков. Так уж! Люди делятся на три группы: одни – всю жизнь работают, другие – копят деньги, а третьи – не хотят работать для хлеба, – это же бессмысленно! – и не могут копить денег – это и глупо и неловко как-то. Так вот я – из третьей группы. К ней принадлежат все лентяи, бродяги, монахи, нищие и другие приживалы мира сего.

Надя. Скучно ты говоришь, дядя! И совсем ты не такой, а просто – ты добрый, мягкий.

Яков. То есть никуда не похужу. Я это понял еще в школе. Люди уже в юности делятся на три группы...

Татьяна. Надя верно сказала: это скучно, Яков...

Яков. Согласен. Матвей Николаевич, как вы думаете, жизнь имеет лицо?

Синцов. Может быть...

Яков. Имеет. Оно всегда – молодое. Не так давно жизнь смотрела на меня равнодушно, а теперь смотрит строго и спрашивает... спрашивает: "Вы кто такой? Вы куда идете, а?" (Он испуган чем-то, хочет улыбнуться, но губы у него дрожат, не слушаются, лицо искажает жалкая гримаса.)

Татьяна. Ты оставь это, пожалуйста, Яков!.. Вон прокурор гуляет... мне бы не хотелось, чтобы ты при нем говорил.

Яков. Хорошо.

Надя (тихо). Все чего-то ждут... и боятся. Почему мне запрещают знакомиться с рабочими? Это глупо!

Николай (подходит). Могу я попросить стакан чая?

Татьяна. Пожалуйста.

(Несколько секунд все сидят молча. Николай стоит, размешивая ложкой чай.)

Надя. Я хотела бы понять, почему рабочие не верят дяде, и вообще...

Николай (угрюмо). Они верят только тем, которые обращаются к ним с речами на тему "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"... В это они верят!

Надя (поводя плечами, тихо). Когда я слышу эти слова... этот всемирный созыв... мне кажется, что все мы на земле – лишние...

Николай (возбуждаясь). Конечно! Так должен себя чувствовать каждый культурный человек... И скоро, я уверен, на земле раздастся другой клич: "Культурные люди всех стран, соединяйтесь!" Пора кричать это, пора! Идет варвар, чтобы растоптать плоды тысячелетних трудов человечества. Он идет, движимый жадностью...

Яков. А душа у него в животе, в голодном животе... Картина, возбуждающая жажду.

Враги. Максим Горький gorkiymaxim.ru

(Наливает себе пива.)

Николай. Идет толпа, движимая жадностью, организованная единством своего желания – жрать!

Татьяна (задумчиво). Толпа... Всюду толпа: в театре, в церкви...

Николай. Что могут внести с собой эти люди? Ничего, кроме разрушения... И, заметьте, у нас это разрушение будет ужаснее, чем где-либо...

Татьяна. Когда я слышу о рабочих как о передовых людях, мне это странно! Это далеко от моего понимания...

Николай. А вы, господин Синцов... вы, конечно, не согласны с нами?..

Синцов (спокойно). Нет.

Надя. Помнишь, тетя Таня, старик говорил о копейке? Это ужасно просто.

Николай. Почему же вы не согласны, господин Синцов?

Синцов. Иначе думаю.

Николай. Вполне резонный ответ! Но, быть может, вы поделитесь с нами вашими взглядами?

Синцов. Нет, мне не хочется.

Николай. Крайне сожалею! Утешаюсь надеждой, что, когда, мы встретимся с вами еще раз, ваше настроение изменится. Яков Иванович, если можно, я попрошу вас... проводите меня! Я до такой степени расстроил нервы...

Яков (вставая с трудом). Пожалуйста. Пожалуйста... (Идут.)

Татьяна. Этот прокурор – противная фигура. Мне неприятно соглашаться с ним.

Надя (встала). Почему же ты соглашаешься?

Синцов (усмехаясь). Почему, Татьяна Павловна?

Татьяна. Я сама чувствую так же...

Синцов (Татьяне). Вы думаете так, но чувствуете иначе, чем он. Вы хотите понять, он об этом не заботится... ему понимать не нужно!

Татьяна. Вероятно, он очень жесток.

Синцов. Да. Там, в городе, он ведет политические дела и отвратительно относится к арестованным.

Татьяна. Кстати, он что-то записывал себе в книжку о вас.

Синцов (с улыбкой). Вероятно, записывал. Беседует с Пологим... вообще – работает!.. Татьяна Павловна, у меня к вам есть просьба...

Татьяна. Пожалуйста... поверьте, если я могу, я сделаю с удовольствием!

Синцов. Спасибо. Вероятно, вызваны жандармы...

Татьяна. Да, вызваны.

Синцов. Значит, будут обыски... Вы не сможете мне кое-что спрятать?

Татьяна. Вы думаете, у вас будет обыск?

Синцов. Наверное.

Татьяна. И могут арестовать?

Синцов. Не думаю. За что?.. Говорил речи? Но Захар Иванович знает, что я в этих речах призывал рабочих к порядку...

Татьяна. А в прошлом у вас... ничего?

Синцов. У меня нет прошлого... Так вот, поможете вы мне? Я не беспокоил бы вас... но я думаю, что все, кто мог бы спрятать эти вещи, завтра будут обысканы.

(Смеется тихонько.)

Татьяна (смущена). Я буду говорить открыто... Мое положение в доме не позволяет мне смотреть на комнату, отведенную мне, как на мою...

Синцов. Не можете, значит? Ну что ж...

Татьяна. Не обижайтесь на меня!

Синцов. О, нет! Ваш отказ понятен...

Татьяна. Но подождите, я поговорю с Надей...

(Идет. Синцов барабанит пальцами по столу, глядя вслед ей. Слышны осторожные шаги.)

Синцов (тихо). Кто это?

Греков. Я. Вы одни?

Синцов. Да. Там ходят люди... Что на заводе?

Греков (усмехаясь). Вы знаете, они решили найти стрелявшего. Теперь там производят следствие. Некоторые кричат: "Социалисты убили!" Вообще запела шкура свою скверную песню.

Синцов. Вы знаете – кто?

Греков. Акимов.

Синцов. Неужели? Эх... не ожидал! Такой славный, разумный парень...

Греков. Горяч он. Хочет заявить... У него жена, ребенок... ждут другого... Сейчас я говорил с Левшиным. Он, конечно, сочиняет фантазии: надо, говорит, подменить Акимова кем-нибудь помельче...

Синцов. Чудак... Но как это досадно! (Пауза.) Вот что, Греков, зарывайте все в землю... Спрятать негде.

Греков. Я нашел место. Телеграфист согласился всё взять. Вам бы, Матвей Николаевич, уйти отсюда!

Синцов. Нет, я не уйду.

Греков. Арестуют вас.

Синцов. Ну что ж! А если я уйду – это произведет скверное впечатление на рабочих.

Греков. Это – так... Но жалко вас...

Синцов. Чепуха. А вот Акимова жалко.

Греков. Да. И ничем не поможешь! Хочет заявить... А смешно на вас смотреть в роли начальника охраны хозяйской собственности!

Синцов (улыбаясь). Что поделаешь? Команда моя, кажется, спит?

Греков. Нет. Собрались кучками, рассуждают. Хорошая ночь!

Синцов. Я бы тоже ушел отсюда... да вот жду... Вас, наверное, тоже арестуют.

Греков. Посидим! Иду. (Уходит.)

Синцов. До свидания. (Татьяна идет.) Не трудитесь, Татьяна Павловна, все устроилось. До свидания!

Татьяна. Мне, право, очень грустно...

Синцов. Доброй ночи!

(Уходит. Татьяна тихо шагает, глядя на носки своих туфель. Идет Яков.)

Яков. Почему ты не идешь спать?

Татьяна. Не хочу. Я думаю уехать отсюда...

Яков. Да. А вот мне – некуда ехать... я проехал уже мимо всех континентов и островов.

Татьяна. Здесь тяжело. Все качается и странно кружит голову. Приходится лгать, а я этого не люблю.

Яков. Гм... Ты этого не любишь... к сожалению, для меня... к сожалению...

Татьяна (говорит сама себе). Но сейчас – я солгала. Надя, конечно, согласилась бы спрятать эти вещи... но я не имею права толкать ее на такую дорогу.

Яков. О ком ты говоришь?

Татьяна. Я? Так это... Странно все... еще недавно жизнь была ясна, желания определенны...

Яков (тихо). Талантливые пьяницы, красивые бездельники и прочие веселых специальностей люди, увы, перестали обращать на себя внимание!.. Пока мы стояли вне скучной суеты – нами любовались... Но суета становится все более драматической... Кто-то кричит: эй, комики и забавники, прочь со сцены!.. Но сцена – это уже твоя область, Таня!

Татьяна (беспокойно). Моя область?.. Я думала, что я стою на сцене твердо... могу вырасти высоко... (С тоской и с силой.) Мне тяжело, мне неловко перед людьми, которые смотрят на меня холодными глазами и молча говорят: "Мы это знаем. Это старо и скучно!" Я чувствую себя слабой, безоружной перед ними... я не могу взять их, не могу возбудить!.. Я хочу дрожать от страха, от радости, я хочу говорить слова, полные огня, страсти, гнева... слова, острые, как ножи, горящие, точно факелы... я хочу бросить их людям множество, бросить щедро, страшно!.. Пусть люди вспыхнут, закричат, бросятся бежать... Но таких слов – нет. Я останавливаю их и снова бросаю им слова, прекрасные, как цветы, полные надежды, радости, любви!.. Все плачут... и я тоже... такими хорошими слезами плачу!.. Мне аплодируют, цветы меня душат... меня несут на руках... На минуту я владыка людей... в этой минуте жизнь... вся жизнь в одной минуте! Но – живых слов нет.

Яков. Мы все умеем жить только минутами...

Татьяна. Все лучшее всегда в одной минуте. Как хочется других людей более отзывчивых – другой жизни, не такой суетливой... жизни, в которой искусство было бы всегда необходимо... всем и всегда! Чтобы я не была лишней... (Яков смотрит во тьму, широко открыв глаза.) Зачем ты так пьешь? Это убило тебя... Ты был красив...

Яков. Оставь...

Татьяна. Ты чувствуешь, как мне тяжело?

Яков (с ужасом). Как бы я ни был пьян – я все понимаю... вот несчастье! Мозг с проклятой настойчивостью работает, работает... всегда! И передо мною – морда,

Враги. Максим Горький gorkiyamaxim.ru  
широкая, неумытая морда с огромными глазами, которые спрашивают: "Ну?"  
Понимаешь, она спрашивает только одно слово: "Ну?"

Полина (бежит). Таня!.. Таня, прошу тебя, иди туда... Эта Клеопатра... она сошла с ума! Она всех оскорбляет... Ты, может быть, успокоишь ее.

Татьяна (тоскливо). Ах, да отстаньте вы от меня с вашими дрызгами! Съешьте скорее друг друга, но не мечитесь, не путайтесь под ногами у людей!

Полина (испугалась). Таня!.. Что ты? Что с тобой?

Татьяна. Что вам нужно? Чего вы хотите?

Полина. Да ты посмотри на нее... она идет сюда!

Захар (его еще не видно). Я вас прошу – замолчите, наконец.

Клеопатра (так же). Вы... это вы должны молчать передо мной!..

Полина. Она будет кричать здесь... тут ходят мужики... это ужасно! Таня, я прошу тебя...

Захар (идет). Послушайте... я, кажется, с ума сойду!

Клеопатра (идет за ним). Вы от меня не убежите, я вас заставлю выслушать меня!.. А, вы заигрывали с рабочими, вам нужно их уважение, и вы бросаете им жизнь человека, точно кусок мяса злым собакам! Вы гуманисты за чужой счет, за счет чужой крови!

Захар. Что она говорит

Яков (Татьяне). Ты ушла бы. (Уходит.)

Полина. Сударыня! Мы порядочные люди и не можем позволить кричать на нас женщине с такой репутацией...

Захар (испуганно). Молчи, Полина... ради бога!

Клеопатра. Почему вы порядочные люди? Потому что болтаете о политике? О несчастьях народа? О прогрессе и гуманности, да?

Татьяна. Клеопатра Петровна!.. Довольно!

Клеопатра. Я не говорю с вами, нет! Вы здесь лишняя, это не ваше дело!.. Мой муж был честный человек... прямой и честный... Он знал народ лучше вас... Он не болтал, как вы... А вы вашими подлыми глупостями предали, убили его!

Татьяна (Полине и Захару). Да уйдите вы!

Клеопатра. Я сама уйду!.. Вы ненавистны мне... все ненавистны! (Уходит.)

Захар. Вот бешеная баба... а?

Полина (со слезами). Нужно бросить все... нужно уехать! Так оскорблять людей...

Захар. И почему она так?.. Если бы она любила мужа, жила с ним в мире... А то меняет каждый год по два любовника... и в то же время кричит!

Полина. Нужно продать завод!

Захар (с досадой). Бросить, продать... это не так, не то! Надо подумать... хорошенько подумать!.. Вот я сейчас говорил с Николаем Васильевичем... эта баба ворвалась и помешала нам...

Полина. Он ненавидит нас, Николай Васильевич... он зол!

Захар (успокаиваясь). Он слишком озлоблен и потрясен, но он умный человек, и у него нет причины ненавидеть нас. Его связывают со мной теперь, после смерти

Враги. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Михаила, вполне реальные интересы... да!

Полина. Я ему не верю, я боюсь его... он тебя обманет!

Захар. Ах, Полина, это все пустяки!.. Он очень разумно судит... да! Дело в том, что в моих отношениях с рабочими я выбрал шаткую позицию... в этом надо сознаться. Вечером, когда я говорил с ними... о, Полина, эти люди слишком враждебно настроены...

Полина. Я говорила тебе... говорила! Они всегда – враги! (Татьяна идет прочь и тихо смеется. Полина глядит на нее и, нарочно повышая голос, продолжает.) Нам все враги! Все завидуют... и потому бросаются на нас!..

Захар (быстро ходит). Ну, да... отчасти так, конечно! Николай Васильевич говорит: не борьба классов, а борьба рас – белой и черной!.. Это, разумеется, грубо, это натяжка... но если подумать, что мы, культурные люди, мы создали науки, искусства и прочее... Равенство... физиологическое равенство... гм... Хорошо. Но сначала – будьте людьми, приобщитесь культуре... потом будем говорить о равенстве!..

Полина (вслушиваясь). Это новое у тебя...

Захар. Это схематично, недодумано... Надо понять себя, вот в чем дело!

Полина (берет его за руку). Ты слишком мягок, мой друг, вот отчего тебе так трудно!

Захар. Мы мало знаем и часто удивляемся... Вот, например, Синцов – он удивил меня, расположил меня к себе... такая простота, такая ясная логика!.. Оказывается, он социалист, вот откуда простота и логика!..

Полина. Да, да... он обращает на себя внимание... такое неприятное лицо!.. Но ты отдохнул бы... пойдём, а?

Захар (идет за ней). И еще один рабочий, Греков... ужасно заносчив! Сейчас нам с Николаем Васильевичем вспомнилась его речь... Мальчишка... но так говорит... с таким нахальством...

(Ушли. Тишина, Где-то поют песню. Потом раздаются тихие голоса. Появляются Ягодин, Левшин и Рябцов, молодой парень. Он часто встряхивает головой; лицо добродушное, круглое. Все трое останавливаются у деревьев.)

Левшин (тихо, таинственно). Тут, Пашок, дело товарищеское.

Рябцов. Знаю я...

Левшин. Дело общее, человеческое... Теперь, брат, всякая хорошая душа большую цену имеет. Поднимается народ разумом, слушает, читает, думает... Люди, которые кое-что поняли, – дороги...

Ягодин. Это верно, Пашок...

Рябцов. Знаю... Чего же? Я пойду.

Левшин. Зря никуда идти не надо, – надо понять... Ты молодой, а это каторга...

Рябцов. Ничего. Я убегу...

Ягодин. Может, и не каторга!.. Для каторги тебе, Пашок, года не вышли...

Левшин. Будем говорить – каторга! В этом деле страшнее – лучше. Ежели человек и каторги не боится, значит, решил твердо!

Рябцов. Я решил.

Ягодин. Погоди. Подумай...

Рябцов. Чего же думать? Убили, так кто-нибудь должен терпеть за это...



Враги. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Левшин. Верно! Должен. А ежели одному не пойти – многих потревожат. Потревожат лучших, которые дороже тебя, Пашок, для товарищеского дела.

Рябцов. Да ведь я ничего не говорю. Хоть молодой, а я понимаю – нам надо цепью... крепче друг за друга...

Левшин (вздыхнув). Верно.

Ягодин (улыбаясь). Соединимся, окружим, тиснем – и готово.

Рябцов. Ладно. Чего же? Я один, мне и следует. Только противно, что за такую кровь...

Левшин. За товарищей, а не за кровь.

Рябцов. Нет, я про то, что человек он был ненавистный... Злой очень...

Левшин. Злого и убить. Добрый сам помрет, он людям не помеха.

Рябцов. Ну, всё?

Ягодин. Всё, Пашок! Так, значит, завтра утром скажешь?

Рябцов. Да чего же до завтра-то? Я говорю – я иду.

Левшин. Нет, ты лучше завтра скажи! Ночь, как мать, она добрая советчица...

Рябцов. Ну, ладно... Я пойду теперь.

Левшин. С богом!

Ягодин. Иди, брат, иди твердо...

(Рябцов уходит не спеша. Ягодин вертит палку в руках, рассматривая ее. Левшин смотрит в небо.)

Левшин (тихо). Хороший народ расти начал, Тимофей!

Ягодин. По погоде и... урожай!

Левшин. Этак-то пойдет, выправимся мы.

Ягодин (грустно). Жалко парня-то...

Левшин (тихо). Как не жалко! И мне жалко. Вот, иди-ка в тюрьму, да еще по нехорошему делу. Одно ему утешение – за товарищей пропал.

Ягодин. Да...

Левшин. Ты... Молчи уж!.. Эх, напрасно Андрей курок спустил! Что сделаешь убийством? Ничего не сделаешь! Одного пса убить – хозяину другого купить... вот и вся сказка!..

Ягодин (грустно). Сколько нашего брата погибает...

Левшин. Идем, караульный, хозяйское добро сторожить! (Идут.) О, господи!..

Ягодин. Чего ты?

Левшин. Тяжело! Скорее бы распутать жизнь-то!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Большая комната в доме Бардиных. В задней стене четыре окна и дверь, выходящие на террасу; за стеклами видны солдаты, жандармы, группа рабочих, среди них

Враги. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru

Левшин, Греков. Комната имеет нежилой вид: мебели мало, она старая, разнообразная, на стенах отклеились обои. Управой стены поставлен большой стол. Конь сердито двигает стульями, расставляя их вокруг стола. Аграфена метет пол. В левой стене большая двухстворчатая дверь, в правой тоже.

Аграфена. На меня сердиться не за что...

Конь. Я не сержусь. Мне наплевать на всех... я, слава богу, умру скоро... У меня уж сердце останавливается.

Аграфена. Все умрем... хвастаться нечем...

Конь. Будет уж... омерзело все! В шестьдесят пять лет – пакости, как орехи... зубов у меня нет заниматься ими... Нахватали народу... мочат его на дожде...

(Из левой двери выходят ротмистр Бобоедов и Николай.)

Бобоедов (весело). Вот и зал заседания, чудесно! Так, значит, вы при исполнении служебных обязанностей?

Николай. Да, да! Конь, позовите вахмистра!

Бобоедов. И мы подаем это блюдо так: в центре этот... как его?

Николай. Синцов.

Бобоедов. Синцов... трогательно! А вокруг него – пролетарии всех стран?... Так! Это радует душу... А милый человек здешний хозяин... очень! У нас о нем думали хуже. Свояченицу его я знаю – она играла в Воронеже... превосходная актриса, должен сказать. (Квач входит с террасы.) Ну что, Квач?

Квач. Всех обыскали, ваше благородие!

Бобоедов. Да. Ну и что же?

Квач. Да ничего не оказалось... спрятали! Докладам: становой очень торопится, ваше благородие, и невнимателен к занятиям.

Бобоедов. Ну, конечно, полиция всегда так! У арестованных нашли что-нибудь?

Квач. У Левшина за образами оказалось.

Бобоедов. Принеси все в мою комнату.

Квач. Слушаю! Молодой жандарм, ваше благородие, который недавний, из драгун который...

Бобоедов. Что такое?

Квач. Тоже невнимателен к занятиям.

Бобоедов. Ну, уж ты сам с ним справляйся. Иди! (Квач уходит.) Вот, знаете, птица этот Квач! С виду так себе и даже как будто глуп, а нюх собачий!

Николай. Вы, Богдан Денисович, обратите внимание на этого конторщика...

Бобоедов. Как же, как же! Мы его прижмем!

Николай. Я говорю о Пологом, а не о Синцове. Он, мне кажется, вообще может быть полезен.

Бобоедов. А, этот наш собеседник! Ну, разумеется, мы его пристроим...

(Николай идет к столу и аккуратно раскладывает на нем бумаги.)

Клеопатра (в дверях направо). Ротмистр, хотите еще чаю?

Бобоедов. Благодарю вас, пожалуйста! Красиво здесь... Очень! Чудесная

Враги. Максим Горький gorkiyamaxim.ru  
местность!.. А ведь я госпожу Луговую знаю! Она в Воронеже играла?

Клеопатра. Да, кажется, играла... Ну, а что ваши обыски, нашли вы что-нибудь?

Бобоедов (любезно). Всё, всё нашли! Мы найдем, не беспокойтесь! Для нас даже там, где ничего нет, всегда что-нибудь... найдется.

Клеопатра. Покойник смотрел легко на все эти прокламации... он говорил, что бумага не делает революции...

Бобоедов. Гм... Это не совсем верно!

Клеопатра. И называл прокламации – предписания, исходящие из тайной канцелярии явных идиотов к дуракам.

Бобоедов. Это метко... хотя тоже неверно?

Клеопатра. Но вот они от бумажек перешли к делу...

Бобоедов. Вы будьте уверены, что они понесут строжайшее наказание, строжайшее!

Клеопатра. Это меня очень утешает. При вас мне сразу стало как-то легче... свободнее!

Бобоедов. Наша обязанность вносить в общество бодрость...

Клеопатра. И так отрадно видеть довольного, здорового человека... ведь это редкость!

Бобоедов. О, у нас в корпусе жандармов мужчины на подбор!

Клеопатра. Пойдемте же к столу!

Бобоедов (идет). С удовольствием! А скажите, в этот сезон где будет играть госпожа Луговая?

Клеопатра. Не знаю.

(С террасы входят Татьяна и Надя.)

Надя (взволнованно). Ты видела, как посмотрел на нас старик... Левшин?

Татьяна. Видела...

Надя. Как это все нехорошо... как стыдно!

Николай Васильевич, зачем это? За что их арестовали?

Николай (сухо). Причины для арестов более чем достаточно... И, попрошу вас, не ходите через террасу, пока там эти...

Надя. Не будем... не будем...

Татьяна (смотрит на Николая). И Синцов арестован?

Николай. И господин Синцов арестован.

Надя (ходит по комнате). Семнадцать человек! Там, у ворот, плачут жены... а солдаты толкают их, смеются! Скажите солдатам, чтобы они хоть вели себя прилично!

Николай. Это меня не касается. Солдатами командует поручик Стрепетов.

Надя. Пойду, попрошу его... (Уходит в дверь направо. Татьяна, улыбаясь, подошла к столу.)

Татьяна. Послушайте, кладбище законов, как вас называет генерал...

Николай. Генерал не кажется мне остроумным человеком. Я бы не повторял его острот.

Татьяна. Я ошиблась, он называет вас – гроб законов. Вас это сердит?

Николай. Просто, я не расположен шутить.

Татьяна. Будто вы такой серьезный?..

Николай. Напомню вам – вчера убили моего брата.

Татьяна. Да вам-то что до этого?

Николай. Позвольте... как?

Татьяна (усмехаясь). Не надо никаких ужимок! Вам не жалко брата... Вам никого не жалко... вот, как мне, например. Смерть, то есть неожиданность смерти, на всех скверно действует... но, уверяю вас, вам ни одной минуты не было жалко брата настоящей, человеческой жалостью... нет ее у вас!

Николай (с усилием). Это интересно. Но что вы хотите от меня?

Татьяна. Вы не замечаете, что мы с вами родственные души? Нет? Напрасно! Я актриса, человек холодный, желающий всегда только одного играть хорошую роль. Вы тоже хотите играть хорошую роль и тоже бездушное существо. Скажите, вам хочется быть прокурором, а?

Николай (негромко). Я хочу, чтобы вы кончили это...

Татьяна (помолчав, смеется). Нет, я не способна к дипломатии. Я шла к вам с целью... я хотела быть любезной с вами, обворожительной... Но увидела вас и начала говорить дерзости... Вы всегда вызываете у меня желание наговорить вам обидных слов... ходите вы или сидите, говорите или молча осуждаете людей... Да, я хотела вас просить...

Николай (усмехаясь). Догадываюсь о чем!

Татьяна. Может быть. Но теперь это уже бесполезно, да?

Николай. Теперь и раньше – все равно. Господин Синцов скомпрометирован очень сильно.

Татьяна. Вы чувствуете маленькое удовольствие, говоря мне это? Так?

Николай. Да... не скрою.

Татьяна (вздыхнув). Вот видите, как мы похожи друг на друга. Я тоже очень мелочная и злая... Скажите – Синцов всецело в ваших руках... именно в ваших?

Николай. Конечно!

Татьяна. А если я попрошу вас оставить его?

Николай. Это не будет иметь успеха.

Татьяна. Даже если я очень попрошу вас?

Николай. Все равно... Удивляюсь вам!

Татьяна. Да? Почему?

Николай. Вы – красавица... женщина, несомненно, оригинального склада ума... у вас чувствуется характер. Вы имеете десятки возможностей устроить свою жизнь роскошно, красиво... и занимаетесь каким-то ничтожеством! Эксцентричность – болезнь. И всякого интеллигентного человека вы должны возмущать... Кто ценит женщину, кто любит красоту, тот не простит вам подобных выходов!

Татьяна (смотрит на него с любопытством). Итак, я осуждена... увы! Синцов –

тоже?

Николай. Вечером этот господин поедет в тюрьму.

Татьяна. Решено?

Николай. Да.

Татьяна. Никаких уступок из любезности к даме? Не верю! Если б я сильно захотела, вы отпустили бы Синцова.

Николай (глухо). Попробуйте захотеть... попробуйте.

Татьяна. Не могу. Не умею... Но все-таки скажите правду,- сказать однажды правду - это нетрудно,- вы отпустили бы?

Николай (не сразу). Не знаю...

Татьяна. А я знаю! (Помолчав, вздохнула.) Какие мы с вами оба дряни...

Николай. Однако есть вещи, которые нельзя прощать и женщине!

Татьяна (небрежно). Ну, что там? Мы одни... никто нас не слышит. Ведь я имею право сказать вам и себе, что оба мы...

Николай. Прошу вас... я не хочу более слушать...

Татьяна (настойчиво, спокойно). А все-таки вы цените эти ваши принципы ниже поцелуя женщины!

Николай. Я уже сказал, что не хочу вас слушать.

Татьяна (спокойно). Так - уйдите. Разве я вас держу? (Он быстро уходит. Татьяна кутается в шаль, стоит среди комнаты и смотрит на террасу. Из двери с правой стороны идут Надя и поручик.)

Поручик. Солдат никогда не обижает женщину, даю вам честное слово! Женщина для него - святыня...

Надя. Вот вы увидите...

Поручик. Это невозможно! Только в армии еще сохранилось рыцарское отношение к женщине...

(Проходят в дверь налево. Идут Полина, Захар и Яков.)

Захар. Видишь ли, Яков...

Полина. Вы подумайте, как же иначе?

Захар. Тут реальность, необходимость...

Татьяна. Что такое?

Яков. Вот отпевает меня...

Полина. Удивительная жестокость! Все нападают на нас! И даже Яков Иванович, всегда такой мягкий... Но разве мы вызывали солдат? И никто не приглашал жандармов. Они всегда сами являются.

Захар. Обвинять меня за эти аресты...

Яков. Я не обвиняю...

Захар. Ты не говоришь прямо, но я чувствую...

Яков (Татьяне). Я сижу, он подошел ко мне и говорит: "Ты что, брат?" А я сказал: "Противно, брат!" Вот и всё!

Захар. Но надо же понять, что пропаганда социализма в такой форме, как это делается у нас, нигде не возможна, нигде не допустима...

Полина. Занимайтесь политикой, это всем нужно, но при чем тут социализм? Вот что говорит Захар. И он прав!

Яков (угрюмо). Какой же социалист старик Левшин? Просто он заработался и бредит... от усталости...

Захар. Они все бредят!

Полина. Надо щадить людей, господа! Мы так измучены!

Захар. Ты думаешь, мне не тяжело, что вот у меня в доме устраивается судилище? Но все это – затея Николая Васильевича, а спорить с ним после такой драмы... было бы невозможно!

Клеопатра (быстро идет). Вы слышали? Убийца найден... сейчас его приведут сюда.

Яков (ворчит). Ну, вот...

Татьяна. Кто это?

Клеопатра. Какой-то мальчишка... Я рада... Может быть, с точки зрения гуманности это нехорошо, но я – рада! И если он – мальчишка, я бы велела его пороть каждый день до суда... Николай Васильевич где?.. Не видели? (Идет в дверь налево, навстречу ей генерал.)

Генерал (угрюмо). Ну, вот!.. Стоят все, как мокрые курицы.

Захар. Неприятно, дядя...

Генерал. Жандармы? Да... этот ротмистр порядочный нахал! Мне хочется сыграть с ним штуку... Они не останутся ночевать?

Полина. Я думаю, нет... зачем же?

Генерал. Жаль! А то бы... ведро холодной воды на него, когда он ляжет спать! Это делали у меня в корпусе с трусливыми кадетами... Ужасно смешно, когда голый и мокрый человек прыгает и орет!..

Клеопатра (стоя в дверях). Бог знает, что вы говорите, генерал! И почему? Ротмистр очень приличный человек и удивительно деятельный... явился и всех переловил! Это надо ценить! (Уходит.)

Генерал. Гм... для нее все мужчины с большими усами – приличные люди. Каждый должен знать свое место, вот что... Именно – в этом порядочность! (Идет к двери налево.) Эй, Конь!

Полина (негромко). Она положительно чувствует здесь себя хозяйкой. Вы посмотрите, как она себя ведет!.. Невоспитанная, грубая...

Захар. Скорее кончалось бы все это! Так хочется покоя, мира... нормальной жизни!

Надя (вбегает). Тетя Таня, он глуп, этот поручик!.. И он, должно быть, бьет солдат... Кричит, делает страшное лицо... Дядя, надо, чтобы к арестованным пустили жен... тут есть пять человек женатых!.. Ты поди скажи этому жандарму... оказывается, он тут главный.

Захар. Видишь ли, Надя...

Надя. Вижу, ты не идешь!.. Иди, иди, скажи ему!.. Там плачут... Иди же!

Захар (уходя). Я думаю – это бесполезно...

Полина. Ты, Надя, всегда всех тревожишь!

Надя. Это вы всех тревожите...

Полина. Мы? Ты подумай...

Надя (возбужденно). Все мы – и я, и ты, и дядя... это мы всех тревожим! Ничего не делаем, а всё из-за нас... И солдаты, и жандармы, и всё! Эти аресты – тоже... я бабы плачут... всё из-за нас!

Татьяна. Поди сюда, Надя.

Надя (подходит). Ну, пришла... ну, что?

Татьяна. Сядь и успокойся... Ты ничего не понимаешь, ничего не можешь сделать...

Надя. А ты даже сказать ничего не можешь! И не хочу я успокоиться, не хочу!

Полина. Твоя покойница мать, говоря о тебе, была права, – ужасный характер.

Надя. Да, она была права... Она работала и ела свой хлеб. А вы... что вы делаете? Чей хлеб едите вы?

Полина. Вот, начинается! Надежда, я тебя прошу оставить этот тон... что за окрики на старших!

Надя. Да вы не старшие! Ну, какие вы старшие?... Просто – старые вы!

Полина. Таня, право это всё твои идеи! И ты должна сказать ей, что она глупая девочка...

Татьяна. Слышишь? Ты глупая девочка... (Гладит ее плечо.)

Надя. Ну, вот. И больше вы ничего не можете сказать!.. Ничего! Вы даже защищать себя не умеете... удивительные люди! Вы, право, все какие-то лишние, даже здесь, в вашем доме, – лишние!

Полина (строго). Ты понимаешь, что ты говоришь?..

Надя. Пришли к вам жандармы, солдаты, какие-то дурачки с усиками, распоряжаются, пьют чай, гремят саблями, звенят шпорами, хохочут... и хватают людей, кричат на них, грозят им, женщины плачут... Ну, а вы? При чем тут вы? Вас куда-то затолкали в углы...

Полина. Пойми, ты говоришь вздор! Эти люди пришли защищать нас.

Надя (горестно). Ах, тетя! Солдаты не могут защитить от глупости, не могут!

Полина (возмущена). Что-о?

Надя (протягивая к ней руки). Ты не сердись! Я это о всех говорю! (Полина быстро уходит.) Вот... убежала! Скажет дяде, что я груба, строптива... дядя будет говорить длинную речь... и все мухи умрут со скуки!

Татьяна (задумчиво). Как ты будешь жить? Не понимаю!

Надя (обводя руками кругом себя). Не так! Ни за что – так! Я не знаю, что я буду делать... но ничего не сделаю так, как вы! Сейчас иду мимо террасы с этим офицером... а Греков смотрит, курит... и глаза у него смеются. Но ведь он знает, что его... в тюрьму? Видишь! Те, которые живут, как хотят, они ничего не боятся... Им весело! Мне стыдно смотреть на Левшина, на Грекова... других я не знаю, но эти!.. Этих я никогда не забуду... Вот идет дурачок с усиками... у-у!

Бобоедов (входит). Как страшно! Кого это вы пугаете?

Надя. Я вас боюсь... Вы пустите женщин к мужьям, да?

Бобоедов. Нет, не пушу. Я – злой!

Надя. Конечно, если вы жандарм. Почему вы не хотите пустить женщин?

Бобоедов (любезно). Сейчас – невозможно! А вот потом, когда их повезут, я разрешу проститься.

Надя. Но почему же невозможно? Ведь это от вас зависит?

Бобоедов. От меня... то есть – от закона.

Надя. Ну, какой там закон! Пустите... я вас прошу!

Бобоедов. Как это – какой закон? И вы тоже законы отрицаете? Ай-яй-яй!

Надя. Не говорите со мной так! Я не ребенок...

Бобоедов. Не верю! Законы отрицают только дети и революционеры.

Надя. Так вот я революционерка.

Бобоедов (смеясь). О! тогда вас надо в тюрьму... арестовать и в тюрьму...

Надя (с тоской). Ах, не надо шутить! Пустите их!

Бобоедов. Не могу... Закон!

Надя. Дурацкий закон!

Бобоедов (серьезно). Гм... это вы напрасно! Если выне дитя, как вы говорите, вы должны знать, что закон установлен властью и без него невозможно государство.

Надя (горячо). Закон, власти, государство... Фу, боже мой! Но ведь это для людей?

Бобоедов. Гм... я думаю! То есть прежде всего – для порядка!

Надя. Так это же никуда не годится, если люди плачут. И ваши власти и государство – все это не нужно, если люди плачут! Государство... какая глупость! Зачем оно мне? (Идет к двери.) Государство! Ничего не понимают, а говорят! (Уходит. Бобоедов несколько растерялся.)

Бобоедов (Татьяне). Оригинальная барышня! Но – опасное направление ума... Ее дядюшка, кажется, человек либеральных взглядов, да?

Татьяна. Вам это лучше знать. Я не знаю, что такое либеральный человек.

Бобоедов. Ну, как же? Это все знают!.. Неуважение ко власти – вот и либерализм!.. А ведь я вас, мадам Луговая, видел в Воронеже... как же! Наслаждался вашей тонкой, удивительно тонкой игрой! Может быть, вы заметили, я всегда сидел рядом с креслом вице-губернатора? Я тогда был адъютантом при управлении.

Татьяна. Не помню... Может быть. В каждом городе есть жандармы, не правда ли?

Бобоедов. О, еще бы! Обязательно в каждом! И должен вам сказать, что мы, администрация... именно мы являемся истинными ценителями искусства! Пожалуй, еще купечество. Возьмите, например, сборы на подарок любимому артисту в его бенефис... на подписном листе вы обязательно увидите фамилии жандармских офицеров. Это, так сказать, традиция! Где вы играете будущий сезон?

Татьяна. Еще не решила... Но, конечно, в городе, где непременно есть истинные ценители искусства!.. Ведь это неустранимо?

Бобоедов (не понял). О, конечно! В каждом городе они есть, обязательно! Люди все-таки становятся культурнее...

Квач (с террасы). Ваше благородие! Ведут этого... который стрелял! Куда прикажете?

Бобоедов. Сюда... введи всех их! Позови товарища прокурора. (Татьяне.) Пардон!



Враги. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Должен немножко заняться делом.

Татьяна. Вы будете допрашивать?

Бобоедов (любезно). Чуть-чуть, поверхностно, чтобы познакомиться с людьми... Маленькая переключка, так сказать!

Татьяна. Мне можно послушать?

Бобоедов. Гм... Вообще это не принято у нас... в политических делах. Но это уголовное дело, мы находимся не у себя, и мне хочется доставить вам удовольствие...

Татьяна. Меня не будет видно... Я вот отсюда посмотрю.

Бобоедов. Прекрасно! Я очень рад хоть чем-нибудь отплатить вам за те наслаждения, которые испытывал, видя вас на сцене. Я только возьму некоторые бумаги.

(Уходит. С террасы двое пожилых рабочих вводят Рябцова. Сбоку идет Конь, заглядывая ему в лицо. За ними Левшин, Ягодин, Греков и еще несколько рабочих. Жандармы.)

Рябцов (сердито). Зачем руки связали? Развяжите... ну!

Левшин. Вы, братцы, развяжите руки ему!.. Зачем обижать человека?

Ягодин. Не убежит! Один из рабочих. Для порядку - надо! По закону требуется, чтобы вязать...

Рябцов. Не хочу я этого! Развязывай! Другой рабочий (Квачу). Господин жандарм! Можно? Парень смирный... Мы диву даемся... как это он?

Квач. Можно. Развяжи... ничего!

Конь (внезапно). Вы его напрасно схватили!.. Когда там стреляли, он на реке был... я его видел, и генерал видел! (Рябцову.) Ты чего молчишь, дурак? Ты говори - не я, мол, стрелял... чего ты молчишь?

Рябцов (твердо). Нет, это я.

Левшин. Уж ему, кавалер, лучше знать, кто...

Рябцов. Я.

Конь (кричит). Врешь ты! Пакостник... (Входят Бобоедов и Николай Скроботов.) Ты в тот час в лодке по реке ехал и песни пел... что?

Рябцов (спокойно). Это я... после.

Бобоедов. Этот?

Квач. Так точно!

Конь. Нет, не он!

Бобоедов. Что? Квач, уведи старика! Откуда старик?

Квач. Состоит при генерале, ваше благородие!

Николай (присматриваясь к Рябцову). Позвольте, Богдан Денисович... Оставьте, Квач!

Конь. Не хватай! Я сам солдат!

Бобоедов. Стой, Квач!

Николай (Рябцову). Это ты убил хозяина?

Рябцов. Я.

Николай. За что?

Рябцов. Он нас мучил.

Николай. Как тебя зовут?

Рябцов. Павел Рябцов.

Николай. Так! Конь... вы говорите - что?

Конь (волнуясь). Не он убил! Он по реке ехал в тот час!.. Присягу приму!.. Мы с генералом видели его... Еще генерал говорил: хорошо бы, говорит, опрокинуть лодку, чтобы выкупался он... да! Ишь ты, мальчишка! Ты это что делаешь, а?

Николай. Почему вы, Конь, так уверенно говорите, что именно в минуту убийства он был на реке?

Конь. До того места, где он был, от завода в час не дойдешь.

Рябцов. Я прибежал.

Конь. Едет в лодке и песни поет. Убивши человека, песню не запоешь!

Николай (Рябцову). Ты знаешь, что закон строго наказывает за попытку скрыть преступника и за ложное показание... знаешь ты это?

Рябцов. Мне все равно.

Николай. Хорошо. Итак, это ты убил директора?

Рябцов. Я.

Бобоедов. Какой звереныш!..

Левшин. Эх, кавалер, посторонний вы тут!

Николай. Что такое?

Левшин. Я говорю - посторонний кавалерто, а мешается...

Николай. А ты не посторонний? Ты причастен к убийству, да?

Левшин (смеется). Я-то? Я, барин, один раз зайца палкой убил, так и то душа тосковала...

Николай. Ну, и молчать! (Рябцову.) Где револьвер, из которого ты стрелял?

Рябцов. Не знаю.

Николай. Какой он был? Расскажи!

Рябцов (смуцен). Какой... какие они бывают? Обыкновенный.

Конь (с радостью). А, сукин кот! И револьвера-то не видал!

Николай. Величины какой? (Показывает размер руками в пол-аршина.) Такой? Да?

Рябцов. Да... поменьше...

Николай. Богдан Денисович, пожалуйста сюда.

(Говорит ему вполголоса.) Тут скрыта какая-то пакость. Необходимо более строгое отношение к мальчишке... Оставим его до приезда следователя.

Бобоедов. Но ведь он сознается... чего же?

Николай (внушительно). Мы с вами имеем подозрение, что этот мальчишка не настоящий преступник, а подставное лицо, понимаете?

(Из двери около Татьяны осторожно выходит пьяный Яков и молча смотрит. Порой голова его бессильно опускается, точно он задремал; вскинув голову, испуганно оглядывается.)

Бобоедов (не понимает). Ага-а... да, да, да! Скажите, а?..

Николай. Это заговор! Коллективное преступление...

Бобоедов. Каков мерзавец, а?

Николай. Пусть вахмистр уведет его пока. Самая строгая изоляция! Я сейчас уйду на минуту... Конь, вы пойдете со мной! Где генерал?

Конь. Червей роет...

(Уходят.)

Бобоедов. Квач, уведи-ка этого. И смотреть за ним! Чтобы ни-ни!

Квач. Слушаю! Ну, идем, малый!

Левшин (ласково). Прощай, Пашок, прощай, милый!..

Ягодин (угрюмо). Прощай, Павлуха!..

Рябцов. Прощайте... Ничего!.. (Рябцова уводят.)

Бобоедов (Левшину). Ты, старик, знаешь его?

Левшин. А как не знать? Работаем вместе.

Бобоедов. А тебя как зовут?

Левшин. Ефим Ефимов Левшин.

Бобоедов (Татьяне, негромко). Вы посмотрите, что будет! Скажи мне, Левшин, правду – ты человек старый, разумный, ты должен говорить начальству только правду...

Левшин. Зачем врать...

Бобоедов (с упоением). Да. Так вот, скажи ты мне по чистой совести что у тебя дома за образами спрятано, а? Правду говори!

Левшин (спокойно). Ничего там нет.

Бобоедов. Это правда?

Левшин. Да уж так...

Бобоедов. Эх, Левшин, стыдно тебе! Ты вот лысый, седой, а врешь, как мальчишка!.. Ведь начальство знает не только то, что ты делаешь, а что думаешь – знает. Плохо, Левшин! А это что такое в руках у меня?

Левшин. Не видать мне... слаб я глазами...

Бобоедов. Я скажу. Это запрещенные правительством книжки, призывающие народ к бунту против государя. Эти книжки взяты у тебя за образами... ну?

Левшин (спокойно). Так.

Бобоедов. Ты признаешь их своими?

Левшин. Может быть, и мои... Ведь они похожи одна на другую...

Бобоедов. Так как же ты, старый человек, лжешь?

Левшин. Да я вам, ваше благородие, сущую правду сказал. Вы спросили, что у меня за образами лежит, а уж, если вы спрашиваете об этом, значит, там ничего нет, значит – вытащили. Я и сказал – ничего там нет. Зачем же стыдить меня? Я этого не заслужил.

Бобоедов (смущен). Вот как? Прошу однако поменьше разговаривать... со мной шутки плохи! Кто дал тебе эти книжки?

Левшин. Ну, это зачем же вам знать? Этого я не скажу. Уж я и позабыл, откуда они... Вы уж не беспокойте себя.

Бобоедов. Ага... так? Хорошо... Алексей Греков! который Греков?

Греков. Это я.

Бобоедов. Вы привлекались к дознанию в Смоленске по делу о революционной пропаганде среди ремесленников – да?

Греков. Привлекался.

Бобоедов. Такой молодой и – такой талантливый? Приятно познакомиться!.. Жандармы, выведите их на террасу... здесь стало душно. Вырыпаев Яков? Ага... Свистов Андрей?

(Жандармы выводят всех на террасу. Бобоедов со списком в руках идет туда же.)

Яков (тихо). Нравятся мне эти люди!

Татьяна. Да. Но почему они так просты... так просто говорят, просто смотрят – почему? В них нет страсти? Нет героизма?

Яков. Они спокойно верят в свою правду...

Татьяна. Должна быть у них страсть! И должны быть герои!.. Но здесь... ты чувствуешь – они презирают всех!

Яков. Хорош Ефимыч!.. Какие у него всё понимающие, грустно-ласковые глаза. Он как бы говорит: "Ну, зачем все это? Ушли бы вы в сторону... дали бы нам свободу... ушли бы!"

Захар (выглядывая из дверей). Удивительно тупы эти господа представители закона! Устроили судьбище... Николай Васильевич держится каким-то завоевателем...

Яков. Ты, Захар, только против того, что вся эта история разыгрывается у тебя на глазах?

Захар. Ну, конечно, меня могли бы избавить от этого удовольствия!.. Надя совсем взбесилась... Наговорила мне и Полине дерзостей, назвала Клеопатру щукой, а теперь валяется у меня на диване и ревет... Бог знает, что делается!..

Яков (задумчиво). А мне, Захар, становится все более противен смысл происходящего.

Захар. Да, я понимаю... Но что же делать? Если нападают – надо защищаться. Я положительно не могу найти себе места в доме... точно он перевернулся книзу крышей! Сыро сегодня, холодно... этот дождь!.. Рано идет осень!

(Идут Николай и Клеопатра, оба возбужденные.)

Николай. Я убежден теперь – его подкупили...

Клеопатра. Сами они не могли этого выдумать... Тут необходимо искать умного человека.

Николай. Вы думаете – Синцов?

Клеопатра. А кто же? Вот мосье Бобоедов...

Бобоедов (с террасы). Чем могу служить?

Николай. Я окончательно убедился, что мальчишку подкупили... (Говорит тихо.)

Бобоедов (негромко). О-о? Мм...

Клеопатра (Бобоедову). Вы понимаете?

Бобоедов. М-н-да-а... Какие мерзавцы!

(Оживленно разговаривая, Николай и ротмистр скрываются в дверях. Клеопатра, оглянувшись, видит Татьяну.)

Клеопатра. А... вы здесь?

Татьяна. Еще что-то случилось?

Клеопатра. Вам это безразлично, я думаю... Вы слышали о Синцове?

Татьяна. Знаю.

Клеопатра (с вызовом). Да, арестован! Я рада, что, наконец, выкосили на заводе всю эту сорную траву... а вы?

Татьяна. Я думаю, вам безразлично, что я чувствую...

Клеопатра (злорадно). Вы симпатизировали этому Синцову! (Смотрит на Татьяну, и лицо ее становится мягче.) Как вы странно смотрите... и лицо измученное... почему?

Татьяна. Вероятно, от погоды.

Клеопатра (подходит к ней). Вот что... может быть, это глупо... но я человек прямой!.. Пожила я... много! Много чувствовала... и очень обозлилась! Я знаю, что только женщина может быть другом женщины...

Татьяна. Вы что-то хотите спросить?

Клеопатра. Сказать, не спросить! Вы мне нравитесь... такая вы свободная, так ловко одеты всегда... и хорошо держитесь с мужчинами. Я вам завидую... и как вы говорите, и как ходите... А иногда я вас не люблю... даже ненавижу!

Татьяна. Это интересно. За что?

Клеопатра (странно). Кто вы такая?

Татьяна. То есть?

Клеопатра. Не понимаю я - кто вы? Я хочу видеть всех людей определенными, я люблю знать, чего человек хочет! По-моему, люди, которые нетвердо знают, чего они хотят, - такие люди опасны! Им нельзя верить!

Татьяна. Странно говорите вы! Зачем мне нужно знать ваши взгляды?

Клеопатра (горячо и тревожно). Нужно, чтобы люди жили тесно, дружно, чтобы все мы могли верить друг другу! Вы видите - нас начинают убивать, нас хотят ограбить! Вы видите, какие разбойничьи рожи у этих арестантов? Они знают, чего хотят, они это знают. И они живут дружно, они верят друг другу... Я их ненавижу! Я их боюсь! А мы живем все враждая, ничему не веря, ничем не связанные, каждый сам по себе... Мы вот на жандармов опираемся, на солдат, а они - на себя... и они сильнее нас!

Татьяна. Мне тоже хочется спросить вас прямо... Вы были счастливы с мужем?

Клеопатра. Зачем вам это?

Татьяна. Так. Любопытно!

Клеопатра (подумав). Нет. Он был всегда занят не мною...

Полина (идет). Слышали? Конторщик Синцов оказался социалистом! А Захар был с ним откровенен и даже хотел сделать его помощником бухгалтера! Это, конечно, пустяки, но подумайте, как трудно становится жить! Рядом с вами ваши принципиальные враги, а вы их не замечаете!

Татьяна. Как хорошо, что я не богата!

Полина. Ты скажи это в старости! (Клеопатре мягко.) Клеопатра Петровна, вас просят еще раз примерить платье... И прислали креп...

Клеопатра. Иду... Нехорошо... неровно бьется сердце у меня... Не люблю быть больной!

Полина. Хотите, я вам капель дам от сердцебиения? Очень помогают.

Клеопатра (идя). Спасибо!..

Полина. Я сейчас приду. (Татьяне.) С ней необходимо быть мягче, это ее успокаивает! Это хорошо, что ты поговорила с ней... И вообще я завидую тебе, Таня... ты всегда умеешь встать на такую удобную центральную позицию!.. Пойду, дам ей капель.

(Оставшись одна, Татьяна смотрит на террасу, где под караулом солдат расположились арестованные. Из двери выглядывает Яков.)

Яков (с усмешкой). А я стоял за дверью и слушал.

Татьяна (рассеянно). Говорят, это нехорошо... подслушивать...

Яков. Вообще нехорошо слышать, что говорят люди. Как-то жалко их... Вот что, Таня! Я уезжаю...

Татьяна. Куда?

Яков. Вообще... Не знаю еще... Прощай!

Татьяна (ласково). Прощай!.. Напиши!

Яков. Ужасно скверно здесь!

Татьяна. Ты когда едешь?

Яков (странно улыбаясь). Сегодня... Уезжай и ты... а?

Татьяна. Да, я уеду. Почему ты улыбаешься?

Яков. Так... Может быть, мы не увидимся более...

Татьяна. Глупости.

Яков. Ну, прости меня! (Татьяна целует его в лоб. Он тихо смеется, отстраняя ее.) Ты поцеловала меня, точно покойника... (Медленно уходит. Татьяна, посмотрев вслед ему, хочет идти за ним, но останавливается, сделав слабый жест рукой. Выходит Надя с зонтом в руках.)

Надя. Пожалуйста, пойдем со мной в сад... У меня голова болит... я сейчас плакала, плакала... как дура! Если я пойду одна, снова буду плакать,

Татьяна. О чем плакать, девочка? Не о чем!

Надя. Мне досадно. Я ничего не понимаю. Кто же прав? Дядя говорит он... а я не чувствую этого! Он добрый, дядя? Я была уверена, что он добрый... а теперь - не знаю! Когда он говорит со мной, мне кажется, что я сама злая и глупая... а когда

Враги. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

я начну думать о нем... и спрашивать себя обо всем... ничего не понимаю!

Татьяна (грустно). Если ты будешь сама себе ставить вопросы, ты сделаешься революционеркой... и погибнешь в этом хаосе, милая ты моя!..

Надя. Надо чем-нибудь быть, надо! (Татьяна тихо смеется.) Чему ты смеешься? Надо! Нельзя жить и хлопать глазами, ничего не понимая!

Татьяна. Я потому засмеялась, что сегодня все это говорят... все, вдруг!

(Идут. навстречу им генерал и поручик. Поручик ловко уступает дорогу.)

Генерал. Мобилизация, поручик, необходима! Она имеет двоякую цель... (Наде и Татьяне.) Вы куда, а?

Татьяна. Гулять.

Генерал. Если встретите этого конторщика... как его? Поручик, как фамилия этого человека, с которым я вас познакомил давеча?

Поручик. Покатый, ваше превосходительство!

Генерал (Татьяне). Пошлите его ко мне, я буду в столовой пить чай с коньяком и с поручиком... х-хо-хо! (Огляды- вается, прикрыв рот рукой.) Благодарю, поручик! У вас хорошая память, да! Это прекрасно! Офицер должен помнить имя и лицо каждого солдата своей роты. Когда солдат рекрут, он хитрое животное, - хитрое, ленивое и глупое. Офицер влезает ему в душу и там все поворачивает по-своему, чтобы сделать из животного - человека, разумного и преданного долгу...

(Идет Захар, озабоченный.)

Захар. Дядя, вы не видели Якова?

Генерал. Не видал Якова... Там есть чай?

Захар. Есть, есть! (Генерал и поручик уходят. С террасы идет Конь, сердитый, растрепанный.) Конь, вы не видели брата?

Конь (сурово). Нет. Я теперь не буду говорить ничего. И увижу человека - не скажу... Буду молчать... Ладно! Я поговорил на своем веку...

Полина (идет). Там пришли мужики, они опять просят отсрочить аренду.

Захар. Вот! Нашли время...

Полина. Жалуются, что урожай плохой и платить им нечем.

Захар. Они всегда жалуются!.. Ты не встречала Якова?

Полина. Нет. Что же им сказать?

Захар. Мужикам? Пусть идут в контору... я не буду с ними говорить!

Полина. Но в конторе нет никого! Ты же знаешь - у нас полная анархия. Вот уж скоро обед, а этот ротмистр все просит чаю... В столовой с утра не убран самовар, и вообще - жизнь похожа на какое-то дурачество!

Захар. Ты знаешь, Яков вдруг собрался куда-то ехать!

Полина. Ты прости мне, но, право, хорошо, что он уедет...

Захар. Да, конечно. Он ужасно раздражает, говорит чепуху... Вот сейчас пристал ко мне, спрашивает - можно ли из моего револьвера убить ворону? Говорил какие-то дерзости. Наконец ушел и унес револьвер... Всегда пьяный...

(С террасы входит Синцов с двумя жандармами и Квац. Полина, молча посмотрев на Синцова в лорнет, уходит. Захар смущенно поправляет очки, потом отступает.)

Захар (укоризненно). Вот, господин Синцов... как это грустно! Мне очень жаль вас... очень!

Синцов (с улыбкой). Не беспокойтесь... стоит ли?

Захар. Стоит! Люди должны сочувствовать друг другу... И даже, если человек, которому я доверял, не оправдал моего доверия, все равно, видя его в несчастье, я считаю долгом сочувствовать ему... да! Прощайте, господин Синцов!

Синцов. До свидания.

Захар. Вы не имеете ко мне... каких-либо претензий?

Синцов. Решительно, никаких.

Захар (смущенно). Прекрасно. Прощайте! Ваше жалованье будет выслано вам... да. (Идет.) Но это невозможно! Мой дом становится какой-то жандармской канцелярией!

(Синцов усмехается. Квач все время пристально рассматривает его, особенно руки. Заметив это, Синцов тоже несколько секунд смотрит в глаза Квача. Тот усмехается.)

Синцов. Ну? В чем дело?

Квач(радостно). Ничего... ничего!

Бобоедов (входит). Господин Синцов, вы сейчас отправитесь в город.

Квач (радостно). Ваше благородие, они совсем не господин Синцов, а другое!..

Бобоедов. Как? Говори яснее!

Квач. Да я же их знаю! Они жили на Брянском заводе, и там их имя было Максим Марков!.. Там мы их арестовали... два года назад, ваше благородие!.. На левой руке, на большом пальце, у них ногтя нет, я знаю! Они не иначе как бежали откуда-нибудь, если по чужому паспорту живут!

Бобоедов (приятно удивлен). Это правда, господин Синцов?

Квач. Все правда, ваше благородие!

Бобоедов. Так, значит, вы не Синцов, те-те-те...

Синцов. Кто бы я ни был, вы обязаны вести себя со мной прилично... не забывайте!

Бобоедов. Ого-го! Сразу видно серьезного человека. Квач, ты сам повезешь его!.. Смотри в оба!

Квач. Слушаю!

Бобоедов (радостно). Так вот, господин Синцов, или как вас там зовут, вы едете в город. Ты, Квач, немедленно доложишь начальнику все, что знаешь о нем, и сейчас же затребовать прежнее производство... впрочем, это я сам! Подожди, Квач... (Быстро уходит.)

Квач (добродушно). Вот и снова встретились!

Синцов (усмехаясь). Вы рады?

Квач. А как же? Знакомый!

Синцов (брезгливо). Вам пора бы уже бросить это дело. Волосы седые, а приходится, как собаке, выслеживать... Неужели вам не обидно?

Квач (добродушно). Ничего, я привык! Я уже двадцать три года служу... И совсем не как собака! Начальство меня уважает. Орден обещали! Теперь дадут!

Синцов. За меня?



Квач. А за вас! Вы откуда бежали?

Синцов. Потом узнаете.

Квач. Узнаем! А помните там, на Брянском, черный такой был в очках? Учитель Савицкий? То он тоже был недавно опять арестован... Ну, только умер он в тюрьме... Очень больной был! Мало вас все-таки!

Синцов. Будет много... подождите!

Квач. О? Это хорошо! Больше политических - нам лучше!

Синцов. Награды чаще получаете?

(В дверях появляются Бобоедов, генерал, поручик, Клеопатра и Николай.)

Николай (взглянув на Синцова). Я чувствовал это... (Исчезает.)

Генерал. Хорош!

Клеопатра. Теперь понятно, откуда все пошло!

Синцов (с иронией). Послушайте, господин жандарм, вам не кажется, что вы ведете себя глупо?

Бобоедов. Не... не учить меня!

Синцов (настойчиво). Нет, я поучу! Прекратите этот дурацкий спектакль!

Генерал. О-о... какой, а?

Бобоедов (кричит). Квач, уведи его!

Квач. Слушаю! (Уводит Синцова.)

Генерал. Это, должно быть, зверь, а? Как он... рычит, а?

Клеопатра. Я уверена, что это он начало всему!

Бобоедов. Возможно... очень возможно!

Поручик. Будут его судить, да?

Бобоедов (усмехаясь). Мы их без соуса едим... и так вкусно!

Генерал. Это остроумно. Как устриц... хам!

Бобоедов. Ага! Ну, вот, ваше превосходительство, теперь мы живо разделим всю дичь и избавим вас от этого анекдота! Николай Васильевич, вы где?

(Все скрываются в дверях. С террасы входит становой.)

Становой (Коню). Допрос здесь будет?

Конь (угрюмо). Я не знаю... Ничего не знаю!

Становой. Стол, бумаги... значит, здесь! (Говорит на террасу.) Введите сюда всех! (Коню.) Покойник-то ошибся: сказал - рыжий его застрелил, а оказывается - черноватый!

Конь (ворчливо). И живые ошибаются...

(С террасы снова вводят арестованных.)

Становой. Ставь их здесь... рядом! Старик, становись с краю! Не стыдно тебе! Старый черт!

Враги. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Греков. Зачем же вы ругаетесь?

Левшин. Ничего, Алеша! Пускай его...

Становой (грозя). Я тебе поговорю!

Левшин. Ничего! Должность такая... обижающая человека, у них.

(Входят Николай, Бобоедов. Садятся за стол. Генерал усаживается в кресло в углу, сзади него поручик. В дверях – Клеопатра и

Полина. Потом сзади них Татьяна и Надя. Через их плечи недовольно смотрит Захар. Откуда-то боком и осторожно идет Пологий, кланяется сидящим за столом и растерянно останавливается посреди комнаты. Генерал манит его к себе движением пальца. Он идет на носках сапог и становится рядом с креслом генерала. Вводят Ряцова.)

Николай. Начнем. Павел Ряцов!

Ряцов. Ну?

Бобоедов. Не – ну, дурак, а – что угодно!

Николай. Итак, вы настаиваете, что директор убит вами?

Ряцов (недовольно). Я сказал уж... чего же еще?

Николай. Вы знаете Алексея Грекова?

Ряцов. Это какого?

Николай. А вот, рядом с вами стоит!

Ряцов. Он у нас работает.

Николай. Значит, вы знакомы с ним?

Ряцов. Мы все знакомы.

Николай. Конечно. Но вы у него бывали в доме, гуляли с ним... вообще, вы его коротко, близко знаете? Вы – товарищи?

Ряцов. Я со всеми гуляю. Все мы – товарищи.

Николай. Да? Я думаю – вы лжете! Господин Пологий, скажите нам Ряцов и Греков в каких отношениях?

Пологий. В тесных отношениях дружбы... Здесь имеются две компании. Молодыми предводительствует Греков, юноша очень дерзкий в обращении с лицами, которые стоят неизмеримо выше его. А пожилыми руководствует Ефим Левшин... человек фантастический в своих речах и лисообразный в обращении...

Надя (тихо). Ах, какой мерзавец!

(Пологий оглядывается на нее и вопросительно смотрит на

Николая. Николай тоже кидает взгляд в сторону Нади.)

Николай. Ну-с, дальше!

Пологий (вздыхнув). Их соединяет господин Синцов, который со всеми в хороших отношениях. Это личность не похожая на простого человека, с нормальным умом. Он читает разные книги и имеет обо всем свои суждения. В квартире у него, которая наискось моей и состоит из трех комнат...

Николай. Вы не так подробно...

Пологий. Извините... Правда требует полноты форм! В квартиру его заходят

Враги. Максим Горький gorkiyamaxim.ru  
всевозможные личности, а также присутствующие здесь, как то: Греков...

Николай. Греков, это правда?

Греков (спокойно). Прошу ко мне не обращаться с вопросами, я отвечать не буду.

Николай. Напрасно!

Надя (громко). Вот хорошо!

Клеопатра. Что за выходки?

Захар. Надя, дорогая моя!..

Бобоедов. Тсс...

(На террасе шум.)

Николай. Я нахожу излишним присутствие здесь посторонних лиц...

Генерал. Гм... Кто же тут посторонние?

Бобоедов. Квач, посмотри, что за шум?

Квач. Человек рвется в дверь, ваше благородие! Прет в дверь и ругается, ваше благородие!

Николай. Что ему надо? Кто это?

Бобоедов. Спроси!

Пологий. Прикажете продолжать или приостановиться?

Надя. О, подлец!

Николай. Приостановитесь... Посторонних лиц я прошу уйти!

Генерал. Позвольте... это как понять?..

Надя (кричит задорно). Посторонние здесь – вы! Вы, а не я! Вы везде посторонние... я здесь дома! Это я могу требовать, чтобы вы удалились...

Захар (возбужденно, Наде). Уйди! Немедленно... уйди!

Надя. Да? вот как!.. Значит, это я... действительно я посторонняя здесь! Так я уйду, но я скажу вам...

Полина. Удержите ее... она скажет что-нибудь ужасное!

Николай (Бобоедову). Скажите жандармам, чтобы закрыли двери!

Надя. Вы все бессовестные люди... без сердца, жалкие... несчастные...

Квач (входит, радостно). Ваше благородие! Еще один открывается!

Бобоедов. Что?

Квач. Еще один убийца пришел!

(К столу идет, не торопясь, Акимов, рыжеватый парень, с большими усами.)

Николай (невольно приподнимаясь). Что вам нужно?

Акимов. Это я убил директора.

Николай. Вы?

Акимов. Я.

Враги. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Клеопатра (тихо). А-а... мерзавец! Совесть имеешь!..

Полина. Боже мой! Какие ужасные люди!

Татьяна (спокойно). Эти люди победят!

Акимов (угрюмо). Ну, что же? Нате, ешьте! Я убил.

(Общее смущение. Николай что-то быстро шепчет Бобоедову, тот растерянно улыбается. В толпе арестованных молчание; все стоят неподвижно. В дверях Надя смотрит на Акимова и плачет. Полина и Захар шепчутся. В тишине ясно слышен негромкий голос Татьяны.)

Татьяна (Наде). Не плачь, эти люди победят!..

Левшин. Эх, Акимов, напрасно ты...

Бобоедов. Молчать!

Надя (Акимову). Зачем вы сделали это, зачем?

Левшин. Не кричи, ваше благородие. Я - старше тебя.

Акимов (Наде). Вы - ничего тут не поймете, - ушли бы...

Клеопатра. А ведь каким святеньким притворялся этот мерзкий старик!

Бобоедов. Квач!

Левшин. Ты чего же, Акимов? Ты - говори! Ты скажи, что он тебе пистолет ко грудям приставил, ну, тогда ты и тово...

Бобоедов (Николаю). Вы слышите, чему он учит? Ах, старый лгун!

Левшин. Нет, я не лгун...

Николай. Ну-с, а как же вы теперь, Рябцов?

Рябцов. А - никак...

Левшин. Молчи! Ты - молчи. Они хитрые, они словами сильнее нас...

Николай (Бобоедову). Вышвырните его!

Левшин. Нас - не вышвырнешь, нет! Будет, швыряли! Пожили мы в темноте беззаконья, довольно! Теперь сами загорелись - не погасишь! Не погасите нас никаким страхом, не погасите.

Занавес  
1906 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке  
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!  
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.  
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин  
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.  
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография  
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>  
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!